

М66 37

31.5

Г52

Д О Р Г Л А Д К О

315
~~338:621.3~~
Г 52

ФЕДОР ГЛАДКОВ

~~62~~
Г-53

МАРТ 1933

ПИСЬМА О ДНЕПРОСТРОЕ

ОЧЕРКИ

34273
0

М66737

ПЕРЕВІРІНО

Запорізька обласна
БІБЛІОТЕКА
М. М. ГОРЬКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НЕДРА“
МОСКВА — 1931

ПЕРЕВІРКА
ФОНДА

10
10

0021115

Эта скромная книжка посвящается героической пролетарской молодежи, всегда идущей в авангарде боевых сил на всех фронтах социалистического строительства.

24548

34273

ПЕРВЫЙ ГОД

Здесь я был еще в те дни, когда в обнаженные граниты впервые вонзались стальные буры под ударами молотов, а потомственные грабари на своих клычках, запряженных в патриархальные колымажки, только-что запылили на глинистых холмах обоих берегов Днепра. Тогда все было пустынно: прибрежные голые холмы унылыми оползнями шелушились над скалами, засыпая гранит, а на высотах горбами переходили в выжженную степь, в крестьянские поля, похожие на пустыню. Гранитные утесы, омываемые рекой, — и в берегах, и на островах, — все эти «скалы любви», «кресла Екатерины», с выпуклыми боками, острыми гранями, в плесени и ржавчине, еще дико внушали о незыблемости прошедших веков. Даже этот немецкий Кичкас, с широкостенными домами и невероятно распластанными крышами, поместительными дворами, кудрявыми садиками и цветниками, выросшими в гранитные глыбы, издали казался засыпанным камнями и засоренным бурьяном.

Это было в июне. С полей дул суховей, дни дымились гарью, и тело сгорало от зноя. По коричневым холмам плыли лиловые марева. Улицы Кичкаса засыпались песком и пылью. И на той и на этой стороне копошились толпы обожженных людей разного вида и квалификации — и спецы, и чернорабочие, и водники, и камен-

щики, и плотники, — все были озабочены, суетливы, каждый торопился выполнить какую-то большую работу. Там, наверху, в степи, за Кичкасом, шли земляные работы: рыли глубокие разрезы, насыпали длиннейшие насыпи, настилали шпалы, грохотали рельсами, чавкали топоры среди штабелей из бревен и досок, визжали рубанки, пластались первые временные бараки, неприютные и казенно-тоскливые, и пахло свежей землей и ароматом смолистых досок. Бродили топографы с треножниками и флажками. Взрывали где-то далеко гранит, и взрывы были похожи на вздохи очень далеких орудий. А на той стороне, на вершинах холмов, в несусветной толчее муравьиной гущей копались в густой желтой пыли грабари: рыли приплюсовую площадку и глубоко врезались сотнями лопат в прожженные пласты лёсса, — готовили канал для будущего шлюза. А люди шли с разных сторон самотеком — толпами, армией, — валялись под открытым небом. Рабочком — в периоде организации. Партячейка — тоже в периоде организации. Буча, кавардак, обалделые лица. Ералаш — с расценками. Конфликты. Только-что открыта столовая — бунтующие шайки голодных. Тов. Тимопкин, предработчома, с напряженным рабочим лицом внушает, уговаривает, переутомленно «воздействует» и «ликвидирует» десятки дел одновременно. У него нет аппарата, и мне было жутко смотреть на него в эти минуты: вот-вот он надорвется и сойдет с ума. А тов. Позняков, секретарь партколлектива, хитро улыбается на всю эту бестолочь по своей линии и по линии тов. Тимошкина и невозмутимо и озорно говорит через оскал зубов:

— Ничего, все сделается в свое время. Направится. Дай срок — все крепко на ноги поставим.

Теперь — не то. Действительно: все «сделалось», «направлено» и «крепко поставлено на ноги».

Ночью, когда я подвезжал к Кичкасу, эти бесчисленные созвездия огней густым засеvom, широкой полосой рассыпались на несколько верст в длину. Прожектор, как голубой хвост кометы, пересекал Днепр неподвижной фосфорической туманностью. Недостаточен свет ослепительных фонарей на перемычке левого берега и на островке: работы идут там непрерывно целые сутки, — нужен почти дневной свет для того сложного и разнообразного труда, который совершается на ряжах и скалах. Тут — плотники, металлисты, подрывники, грабари, тут гремят компрессоры, скрипят телеги с камнем, который грохает с колымажек в колодцы ряжей, в воду, на глубину 10—11 м. Надо торопиться: скоро ледоход, и паводок может разрушить работу целого года. Электрическая заря, как зодиакальный свет, пылится по небу над горизонтом еще издали. Во тьме, на половине пути, я оглядываюсь назад из автомобиля: Запорожье — во мраке, в бесснежной стуже, а над Кичкасом, который прозаливается в береговые скалы, — голубой предрассветный туман.

Сквозь переплеты железнодорожного моста виден застывший белый Днепр. Отчетливо и стройно молами врезаются в реку и справа, и слева ряжевые перемычки. А на горе и под горой гранятся углами и крышами, вспыхивают белыми стенами дома, домики, казармы, странные сооружения, башни. Мутным пламенем клубится пар и дым, и кажется, что это — не скромный поселок, а сказочный город с бурной жизнью, с незапывающим ночным напряжением.

Да, за это время преодолены огромные трудности.

Ячейка строительства состоит из 500 партийцев и 500 комсомольцев. А было весной только 50 человек. Нужно было изучить и подобрать актив, организовать и направить цеховые ячейки, а их теперь в разных местах до 13. Нужно было инструктировать каждого активиста, водворять и укреплять дисциплину, — публика разношерстная, с разных концов, больше строители. Нужно было проводить целую систему воспитания рабочих, внедрять в них сознание, ответственность за свои действия, нужно было вовлечь их в активное участие по поднятию производительности труда и пробуждать постоянную заинтересованность в интенсивности работ. Производственные совещания, фабзавуч, культработа, борьба с прогулами и алкоголем, а тут еще кампания, дискуссии, масса сложных вопросов, связанных с своеобразием переплетающихся между собою различных процессов строительства. Работников мало, и все они перегружены — дома засиживаются за столом до 2 часов ночи. Недостатков же уйма, и нужны невероятные усилия, чтобы изжить их.

Этот бешеный темп работ, этот выросший за полгода целый город, новенький, грохочущий, дымящий молодыми трубами, потрясаемый моторами и массовым трудом восьмидесяти тысячной армии рабочих, где миллионы воплощаются с невероятной быстротой в заводы, в машины, в железнодорожные пути на десятки верст, в паровозы, экскаваторы, компрессоры, в жидкий воздух, в американские материалы и орудия труда, — эта лихорадочная трудовая жизнь — совсем другой мир рядом с тихой жизнью захолустного Запорожья.

Старый поселок — тот же, что и летом, только весь он опутан проводами — электрической и телефонной

сетью. На столбах — фонари. Тротуары. Главная улица летом была в кучах песку. Теперь — мостовая. В белом двухэтажном здании, где было управление, теперь «Рабочий Клуб им. 10-й годовщины Октября». Афиши: «Евгений Онегин», «Аида» — ансамбль театра киевской оперы. «Все идите на выборы в районный совет!». По-прежнему суета: рыдваны и телеги с материалами, много деловых людей. Морозно и ветрено, кажется, что мороз не меньше 15 градусов. Управление — в верхнем поселке. Едем по шоссе, широкому, опрятному, очень основательному: ездил по нем много лет — не изъездишь. Поднимаемся на гору. Всюду — опрятные домики, новенькие палисадники, дальше — огромная площадь, разбитая под сад: много мертвых кустиков, дорожки, все распланировано под цветники, под газон, под всякую всячину. Тут будет весной выстроена ротонда для музыкантов, тут же будет кинематограф.

Направо громоздится причудливыми деревянными корпусами лесопильный завод с высоченной тонкой металлической трубой. Она курится, как длинная черная папироса. Дальше и левее — высокая водопадная башня в лесах. Вот «американский поселок». Прекрасные кирпичные домики, сделанные с большим уютом и вкусом, красивенькие, как игрушки. Их много, и они в отдалении от остальных поселков. Здесь живут американские консультанты. За этими домиками, поодаль, густо толпятся белостенные домики другого поселка: эти домики — скромные, без затей, с прямыми улицами и переулками. Здесь живут служащие, квалифицированные рабочие, ответработники. Впереди до самого горизонта — группами, вразброс — тоже домики и корпуса, такие же белостенные и опрятные. С верхнего шоссе весь

Днепрострой четко чеканится во всех мелочах, как на фотографической панораме. Среди черных скал и рыжих отвалов на разработках Днепр — белый, слепой. На той стороне, на высотах, пластаются гигантские ступени: это — приплюзовые площадки, а за ними, еще выше, — длинные насыпи по линии шлюза. Издали видно, как ковш экскаватора поднимается и опускается на длинной шее. А там, дальше, широко расплзается поселок. Очень много домиков и длинных корпусов, и они кажутся очень далекими и маленькими. И опять среди них — водонапорная башня в лесах. Белые жирные облака вихрятся в разных местах, паровозы мыкаются с вагонами и без вагонов, и по этим паровозам видно, что там совершается какая-то большая и сложная работа. Воздух потрясается от далекого взрыва. Поодаль от перемычки, на том берегу, в исковерканных скалах и гранитных нагромождениях, вихрится такой же белый пар, как над паровозами в далеком поселке. Пламенная вспышка и — опять облачный вихрь, опять вспышка, другая, раз за разом, и опять белые вихри... Грохот бомбардировки мгуче толкает воздух, и я физически ощущаю эти невероятные, упругие, потрясающие толчки. Идут подрывные работы с жидким кислородом. Здесь уже не применяется больше динамит. Он слишком дорог и неудобен. А аммонит применяется только в отдаленных участках, куда доставка жидкого кислорода затруднительна: жидкость быстро испаряется.

ПЕРЕМЫЧКИ

Центр всех работ — это плотина и гидростанция. Вся остальная масса работ — это подсобные процессы. Для того, чтобы построить плотину, нужно осушить и очи-

стить дно до сплошного монолита. Нужно для этого соорудить перемычки.

Самая мощная перемычка — на правом берегу. Здесь — главный проток Днепра. По ту сторону острова — другой проток, такой же ширины, как Москва-река. Там перемычка просто перерезает этот рукав двумя широкими параллельными стенами, упираясь концами в граниты берега и острова. Площадь между этими стенами похожа на просторный каток, засоренный досками, брусьями, камнями от взрывов и загрузки ряжей.

На правом берегу перемычка в виде гигантской буквы Н врезается далеко в реку, а к правой стене (со стороны берега) под острым углом примыкает еще стена, высокая, похожая на эстакаду: это — упор для будущей гидро-электростанции. Деревянная основа перемычки устроена очень просто: четырехгранные брусья кладутся срубом друг на друга, но без врубов, сруб делится на камеры продольными (по течению реки) брусьями. Между венцами сруба, таким образом, имеются прорывы шириною в брус. Все эти брусья на пересечениях просверливаются, в отверстия вставляются длинные железные нагеля. Такая клетка по мере кладки погружается в воду, на дно. Кладка продолжается до высоты над уровнем воды метров на шесть, а погружение ее достигает до 11 метров. Ряжи плотно примыкают друг к другу по длине в сторону реки от берега в виде стенки. Такие ряжи идут в три ряда и образуют мост шириною в 18 метров. Колодцы между брусьями засыпаются камнем до самого верха, и — перемычка готова. В ледоход, когда вся масса весенней воды ринется вниз, поверх перемычек, они, загруженные камнем, будут несокрушимы. Для большей устойчивости и для предохранения

от внутренних разрушений по всей длине перемычки со стороны напора воды делаются отсыпи из камней и песку, а для большей крепости вбиваются паровым молотом стальные шпунты, которые плотно входят друг в друга пазами, похожими в поперечном сечении на сковородник. Вцепившись друг в друга, эти пластины из мартеновской стали уже не могут разорваться и образуют сплошную броню.

После паводка, приблизительно в июне, вода из перемычек удалится насосами, и в этой огромной ямине будут рыть котлованы для плотины, и до конца года будет сооружена нижняя ее часть до уровня перемычки. Пока идут работы по постройке плотины, перемычка в виде буквы Н удлиняется и в'едается в берег острова. До следующего весеннего паводка успеют заложить весь нижний корпус плотины и на правом и на левом протоке. С каждым новым паводком потоки воды будут направляться попеременно то к правому, то к левому берегу, то в середину. Дуга плотины, длиною 770 м, высотой от основания 60 м, поднимает верхний бьеф до 40 м над первоначальным уровнем.

Холмистые дали и прибрежные скалы голубели льди-сто и сурово. Около большого крана на перемычке толпились рабочие. Где-то гремело железо, и с того берега певуче дребезжали металлом пневматические сверла. Две молодых девушки-стажерки; с огрубевшими, обветренными лицами юношей, похожие по одежде на обычных работниц, производили обмер перемычек. Я их помню еще с лета: это — будущие инженеры по гидротехнике. Одна из них маленькая, настоящий мальчик, — партия.

Она — жива, расторопна, держится с достоинством,

и видно, что гордится своей работой и сознает ее ответственность и огромную важность. И по тому, как она говорит (авторитетно и юношески-строго), чувствуется, что она очень самолюбива. Она прочла нам целую лекцию о назначении перемычек, о том, как будет строиться плотина и какая грандиозная работа предстоит в ближайшем будущем.

— Кран пока не работает — в ремонте. Сорвался с тросов паровой молот и убил рабочего. Заработает опять дня через три. Зато посмотрим автогенную резку шпунтов.

И вдруг неожиданно спрашивает с задорной строгостью:

— А вы знаете, сколько стоит каждый шпунт? Пятьсот рублей. У нас их не делают, — только в Америке. Сколько же мы отвалили денег американцам за эти вагоны стали?

Мы догадываемся, что действительно эти суммы трудно выговорить. Должно быть, моим удивлением она осталась вполне довольна.

В этих девушках мне чудится что-то новое, что было несвойственно девушкам прошлых лет: не только напряжены они какой-то внутренней силой, но в их поведении есть что-то немножко суровое, прозаическое, пуританское, и даже мечты их деловиты и совсем чужды сентиментальности.

Автогенная резка очень красива. Из волосного отверстия горелки под большим давлением вырывается острое голубое пламя — смесь ацетилена с кислородом. Возвзаясь в сталь, оно мгновенно пробуравливает полосу и, брызгая ослепительными искрами, рассекает ее в 2—3 минуты. Рабочий в черных очках близоруко следит за

острием огня и почти лежит на полосе. Горелка в его руке ловко скользит по металлу и фырчит жадно и хищно. В последний момент один из рабочих становится на шпунт, и он ломается с нежным звоном. Другие рабочие ломами отваливают обрезки шпунта в сторону и снова повторяется та же процедура.

Девушки идут выполнять свои обязанности, а мы направляемся на левый берег. Там, на перемычке, те же ржавые ярусы шпунтов и та же автогенная резка: идет подготовка к бронировке ряжей со стороны течения. Кран уже готов, молот — на тросах, он скоро заработает с оглушительным грохотом и лязгом. По деревянным крутым лестницам поднимаемся на высоту холма. Всюду — гранитные глыбы, то не тронутые взрывами, округлые, как навороченные друг на друга валуны, то разрушенные, засоренные обломками и щебнем.

ШЛЮЗОВОЙ КАНАЛ

По дороге встречаем производителя работ. Я знаю его с прошлого года. Он и теперь, как и тогда, с жухлым, красным лицом, с выцветшими усами и бородкой. От него пахнет скалами, землей, непрерывным трудом, и кажется, что он не знает, что такое теплая, уютная комната, спокойный сон и отдых. Тогда он руководил грабарскими работами по рытью канала для шлюза, теперь в его ведении — скальные работы. О своей работе он говорит с большим смаком, как обжора о кушаньях. Должно быть, чужды ему заботы о собственных удобствах, о жалованьи, о неиспользованном отпуске и уж, очевидно, некогда ему поругаться с женою из-за того, что он не оказывает семье должного внимания.

Он с удовольствием ведет нас на шлюз, останавли-

вается на мостике через канал и начинает объяснять горячо и вдохновенно.

Летом работы по рытью канала были только в самом начале. Я помню тучи желтой пыли в душный, знойный день, целую армию людей в муравьиной хлопотне, вереницы лошадей — первобытный бремсберг, который действовал еще во времена печенегов. Американец Купер, обходя земляные работы Днепростроя, с безразличным презрением смотрел на каторжный труд грабарей и плевался.

— Это — идиотский способ работы, достойный варваров. Нужно механизировать. Без экскаваторов ничего не выйдет.

Экскаваторов не было. Ему было доказано, что грабари выполняют работы дешевле экскаваторов вдвое.

— Тогда нужно увеличить число грабарей тоже вдвое.

Но увеличить тоже было нельзя: площадь разработок не могла вместить большего числа людей и повозок.

И ярым принципиальным защитником грабарского труда был этот самый производитель работ. Он всю свою жизнь имел дело с грабарями, влюблен в них, работу их находит лучшей в мире и о механизации слушать не хочет.

— Этот американец плетет ерунду. Он забыл, что такие вот наши же грабари рыли у них Панамский канал.

Да, этого закаленного в нашем старорежимном труде человека трудно сломить: его консерватизм — его плоть и кровь. Он не понимает, что механизация — это революция, освобождающая труд от египетского рабства человека от природы, что это — реконструкция всей системы

трудовых процессов. Он, пришедший с своими грабарями из прошлого, несет в себе все предрассудки этого прошлого: он еще не понимает, как не понимает и грабарь, что уже самое это событие — Днепровское строительство — обрекает стародавний первобытный грабаренный труд на исчезновение. Они копают своими лопатами могилу своему нечеловеческому труду. Американец Купер и этот прораб — антиподы.

800 грабарей все-таки канал вырыли. Эта работа достойна удивления. Длина канала — 1,5 километра, ширина — 18 метров, за время работ вынуто до 400 тысяч куб. метров земли. Работа закончена во-время. Но что было бы, если бы брошены были экскаваторы и думпкары на этот участок работ? Производительность труда определяется высотой производительных сил — совершенством техники. Эта гигантская работа завершена была бы несравненно скорее при небольшом числе рабочих. Но в том-то и дело, что при начале работ неизбежно приходилось пользоваться экстенсивным трудом, пока машины еще только грузились на океанские пароходы. Теперь уже не то: рабочие массы уже всюду переключились на механизированный труд и овладели машинами превосходно.

Мы стоим на самой вершине холма. Отсюда вся речная впадина кажется глубоким ущельем. Железнодорожный мост вдали стройно и высоко перелетает через реку. Вода поднимется почти в уровень с холмами и зальет все балки и впадины. Выше Кичкаса холмы отступают далеко в стороны. Вся эта котловина шириною в несколько километров исчезнет под водою. Какое это будет огромное озеро! Противоположные берега затуманятся фиолетовой полоской, и ~~покажутся~~ покажутся прозрачны-

ми над зеркальной машиной. Исчезнут навсегда знаменитые пороги, и больше, чем на 100 километров вверх, река замедлит свое течение и будет неистоцима в полноводии. Пароходы и баржи из устья Днепра будут подниматься по камерам шлюза на высоту холмов и на сотни километров удалятся внутрь страны.

А здесь, на месте этих унылых холмов и пустынных полей, огромным городом вырастет могучий промышленный центр Украины, и маленький захолустный городок Запорожье, с застойным, блеклым бытом забытого уезда, превратится в одну из далеких окраин этого советского Нью-Йорка, насыщенного электричеством и полного богатых чудес молодой, бурно растущей советской индустрии.

Во второй и третьей камерах шлюзового канала предстоит еще гигантская работа. Здесь снят только поверхностный наносный слой. Дно этих камер изуродовано огромными глыбами гранита. Сколько тысячелетий покоились они под мягким суглинком? Жидкий кислород взорвет их на большую глубину, и экскаваторы вычерпывают обломки и щебень, а вагоны умчат их вниз, на плотину.

Недалеко от шлюза, пониже, заканчивается постройкой один из бетонных заводов для нужд левобережной части плотины.

Попрежнему непрерывно хрипят компрессоры, металлически дребезжат пневматические сверла, свистят паровозы и грохочут камни, стряхнутые с думпкеров.

И 66737
ЗАВОД ЖИДКОГО ВОЗДУХА

Скальные работы — одна из самых виднейших артерий строительства. Как и раньше, несколько раз скалы

рвутся с космическим громом и землетрясением. Земля извергается вулканами, дым и пар застилают небо и горы. Эта битва титанов совершается посредством жидкого кислорода.

Завод жидкого воздуха — маленький белостенный домик, на окраине правобережной территории Днепро-строя (такой же завод — и на левой стороне). В сравнении с колоссальным зданием центральных механических мастерских, которое господствует над всеми зданиями правой стороны, или широко распластанным сарайным строением фабрики-кухни, этот домик похож на сторожевую будку. Собственно, там не один домик, а два: во втором домике изготавливаются патроны и помещается лаборатория.

Я впервые в жизни увидел эту волшебную жидкость, и она поразила меня, как сказочная «живая вода».

Изготовление ее очень несложно. Нерв всей системы — компрессор, машина обычного типа. Наружный воздух через всасывающую трубу поступает в цилиндр, где он очищается от углекислого газа. Оттуда он всасывается в компрессор и сгущается до 2,5 атмосфер. Согретый давлением, он поступает в змеевик, охлаждается и сразу сгущается до 12 атм., потом проходит в другой цилиндр и под давлением 50 атм. опять нагревается, опять идет по змеевику и, охлажденный, сразу сдвливается до 200 атмосфер и врывается в большой вертикальный цилиндр у стены, поодаль от компрессора. Здесь он просушивается, фильтруется и переходит в соседний такой же цилиндр и сразу же разрежается, освобождая потенциальную теплоту. В то же мгновение, охлаждаясь до 180° , он выпадает жидкостью на множество тарелочек. Азот, обладаю-

ций особыми свойствами сгущения, отделяется от кислорода и выдувается наружу. Жидкий же кислород из тарелочек выливается по крану в баллоны. Вот и вся процедура.

Удивительная жидкость! Техник наливает ее в обыкновенную жестяную кружку, и я вижу, как эта жидкость, с виду обыкновенная вода, бурлит, как кипяток на огне. Густой голубовато-белый пар клубится пышной шапкой. Я вдыхаю его и чувствую необычайную легкость — хочется вдыхать долго и неотрывно. Мельчайшие брызги от кипения вонзаются в лицо и жалят, как ожоги. Стенки кружки сразу покрываются инеем. Техник погружает в кружку резину — она мгновенно становится твердой. Он бросает ее на пол, и она разлетается вдребезги. Я беру в руки мерзлый кусочек, и пальцы обжигаются холодом, как бывает, когда в трескучий мороз схватишься за железо. Техник выливает из кружки на пол тонкую струю, она рассыпается на множество ртутных капель, не смачивая пола, и быстро испаряется. У наших ног ковром расстилается голубоватый пар. Кружка погружается в воду — кипение становится бурным. Через несколько секунд кружка вынимается, — стенки ее покрыты толстым слоем льда. На воздухе он мгновенно сохнет и трескается, как стекло. Бросается тлеющая спичка в кружку, и ослепительное пламя режет глаза. Потом еще опыт: с видом фокусника техник выливает кислород из кружки в воду. Жидкость опять раздробляется на множество янтарных шариков. Они орко бегают, пляшут, кружатся на поверхности воды, и сразу же под ними рождаются ледяные тазики — полушария, и капли жидкости дымятся в них, как в лодочках.

Опыты окончены, и мы идем в другой домик, где изготавливаются взрывные патроны.

Помещение такое же маленькое, как и завод. Всюду на столах — нефтяная сажа, смешанная с опилками. Густо и жирно пахнет нафталином. Наверху лепят гильзы из пропускной бумаги, внизу механически набивают их сажей. Нелепо то, что эта сажа получается из Германии. Казалось бы, при наших нефтяных богатствах, это продукт мог быть одним из предметов нашего массового экспорта. Однако до сих пор, когда заводы жидкого воздуха на Западе являются распространенной отраслью промышленности, мы не удосужились даже подумать о возможностях эксплуатации нефтяных отходов для этой цели, тем более, что эти отходы пропадают впустую. (В последнее время и мы приступили к организации этой отрасли производства).

Начиненные сажей патроны отправляются на месторождения скальных разработок. Там за несколько минут до взрыва патроны укладываются в особый ящик из сетки, ставятся в термос и заливаются жидким кислородом. Патроны пропитываются жидкостью, вынимаются, за пальчик заряжает их, вставляет в бурки и поджигает шнуры.

СТРОИТЕЛИ

Земляные и скальные работы уже не нуждаются в грабарях: теперь всюду неповоротливо ползают только экскаваторы и чудовищно чавкают стальными челюстями. Небольшая артель грабарей выполняет только постоянную подсобную работу. Плотники — их очень мало — возятся кое-где на перемычках да в мастерских. Подавляющая масса рабочих, плотно, надолго осевших

на строительстве, это — металлисты. Все это больше молодежь, много комсомольцев, старики встречаются очень редко. Люди все — бывалые, немного сутулые, с маслянистым отливом в лицах, — держатся уверенно, смело, напористо, говорят немного вызывающе и не прочь поспорить и поораторствовать. Собрались они со всех концов Союза — и из Ленинграда, и из Москвы, и из Донбасса, и с Урала, и с Волги... Многие работали на Волховстрое, на Шатурке и прибыли сюда вместе со своими инженерами и прорабами. Механические и инструментальные мастерские разбросаны во всех участках территории. Оборудовано грандиозное здание центральных механических мастерских. Идет непрерывная сборка при бывающих машин, работает временная силовая установка, которая будет снабжать энергией и Запорожье.

Основная масса населения всех четырех поселков, это — квалифицированные рабочие и технический персонал. Небольшая часть их живет на «мостовом переходе», километрах в пяти от Кичкаса, на острове Хортица, в том месте, где строятся железнодорожные мосты через оба протока, омывающие остров, — Новый и Старый Днепр.

Раньше здесь дремала лысая степь, пахла травами, пели суховеи и жаворонки. Теперь на многие квадратные километры разбросаны корпуса, строительные материалы, стройные белые ряды казарм, домов, особнячков, с широкими прямыми улицами, со скверами на площадях, с вокзалом, растающим в поселки, который всегда цветет облаками пара, гремит вагонами и криками грузчиков.

Эти белостенные домики, казармы, особняки, обнесенные палисадниками, густо набиты людом, — техническая интеллигенция и квалифицированные рабочие живут попеременно. Общежития — только в казармах:

там собраны только одиночки. Есть, впрочем, казармы и для семейных,— это больше сезонники и чернорабочие. В общежитиях — много воздуха, света, кровати или топчаны — в два ряда. О чистоте и опрятности заботятся специально приставленные уборщицы. Каждая из них должна убирать от 40 до 70 кроватей, мести и мыть полы. Характерно, что общежития квалифицированных рабочих и рабочих из красноармейцев, это — мир людей, быту которых уже есть признаки культурности: их одежда — уютна, там не пахнет отбросами пищи, там можно дышать свежим воздухом, там на столе, на окне можно увидеть книгу и газету, там нет грязных рук и чумазы на лицах, там люди говорят по вопросам политики, экономики и литературы (особенно молодежь следит за новейшим художественным словом). Там — чистенькие уборщицы, часто комсомолки.

Как нарочно, дни были серые, ветреные. Холод сворачивал скулы. Поселки и на той, и на другой стороне зябко и угрюмо зарывались в землю. Грязная муть ползла по прибрежным холмам. В такие дни улицы были пустынями, и люди, сутулясь, бежали торопливо, опрессованные и были нелюбимы и злы.

Я каждый день заходил в комнаты комячейки и по долгу сидел у секретаря, терпеливо наблюдая за повседневной работой партийного аппарата. Я близко сошелся с некоторыми активистами и старался изучить их, как людей, призванных к сложной и большой работе на таком строительстве, которое имеет всесоюзное значение.

Культурно-политическая работа на Днепрострое — вещь весьма трудная, сложная, ответственная, требующая не мелких невежественных чиновников, а преданных делу просвещенных партийцев. Заслуживает больш

шого внимания газета. Все сотрудники — только днепростроевцы: инженеры, рабочие, комсомольцы. Она чутка и является подлинным голосом партии и масс. Она вовремя и громко бьет тревогу о неблагополучии и оценивает интенсивность темпов строительства.

Молодежь очень интересна, бодрa, любознательна и, кажется, очень дружна. Мне пришлось не раз беседовать со многими парнями из комсомола. С какой чуткостью, вниманием, зорким глазом следят они за строительством. И чувствуешь, что это грандиозное строительство — их дело и они с гордостью сознают, что труд их — это труд всей Советской молодежи, это — борьба и созидание всего комсомола, который строит свое будущее.

Много недостатков, неполадок, всегда сопутствующих всякому огромному созиданию, много сознательного и бессознательного вредительства, но все строительство дышит напряжением борьбы и большой силой; эта сила способна поразить любого иностранца. И верно, они изумляются этой невиданной и немыслимой в капиталистических странах системе организации труда. Для этих масс рабочих строительство — родное кровное дело: они — хозяева, организаторы нового мира. Они уже не продают, а отдают свой труд — все свои силы, самоотверженно и мудро. Для них это строительство, как все хозяйственное созидание, вся переделка страны, — это величайшая борьба за торжество социализма, за победу пролетариата во всем мире. И они хорошо знают, что диктатура пролетариата будет несокрушима, если она будет утверждена на основе высочайшей техники. Они прекрасно сознают, что каждый удар по прорыву, по разгильдяйству, по ошибке и глупости — это лишний сокрушительный удар по своему врагу, это — лишние

боевой снаряд для разрушения капиталистической системы того мира, который гнет и раздирается противоречиями за нашими рубежами. Все эти бесчисленные производственные совещания на разных участках работ, эти партийные, комсомольские заседания, неустанная работа изобретателей, организация социалистического соревнования, многочисленных ударных бригад — все это повседневная жизнь строителей, все это — не только обязанности, а быт, жизненные интересы, система отношений, общественное сознание «класса для себя».

«Дніпрельстан». В этом энергичном слове оркестром гремит грандиозный, гордый образ. Я выхожу по ночам на берег Днепра и долго смотрю на частые ослепительные созвездия огней, рассыпанные по долине и по высотам скалистых берегов. Здесь даже непроглядный мрак неба заряжен невероятным напором гигантского напряжения. Где-то неусыпно пыхтят паром и разноголосно, залихватски-бодро перекликаются паровозы. Взрываются металлические толчки, тяжелые от вагонного груза. Фосфоресцируют густые туманности прожекторов. Клыкастые скалы четко чеканятся светотенями, вспыхивают гранями и остриями в сияющем круге, точно лунный пейзаж. Сверкающая полоса режет ледяную поверхность Днепра, и снежные пятна крылато плещутся в вихрях искр, перламутром волнуется ледяное поле, и кристаллы льда, разбросанные вдоль дороги, переливаются зеленым огнем, как огромные друзы турмалина. Эти электрические ночи упруги и звонки, как стальные струны. Я чувствую их жизнь в дыхании человеческого труда.

А дни — суровы, как лица рабочих, пропитанные металлом и гарью. Я чувствую массы, в муравьином движении выполняющие сложные трудовые процессы. Пусть

много нелепостей, глупостей, ошибок, извращений. — все это накипь и сор. Этот гигантский труд пролетария неотразимо идет вперед, вгрызается в скалы давно ушедших геологических эпох и каждым усилием воли переплощает будущее в настоящий день.

ПАНОРАМА

Между Запорожьем и Кичкасом — прекрасное шоссе. Среди рыжих отвалов по бокам дороги и стесанных лопатами горбылей оно вдали, на под'емах, кажется отшлифованным, аспидно-сизым. По обе стороны — горбатая степь, унылая, бурьянная, перегоревшая за лето, грязная от осеннего тления. Степь дымится у горизонтов, чуеться седая тишина и первобытная старость, — что-то могильное дышит в этих бурых увалах и угрюмых бурьянах. Утро не пылает солнцем, как летом: утро — опаловое, оно похоже на знойный день в ущербном угасании. На лево в голубой дымке — широкая спина Хортицы, где когда-то раскидывала свои курени запорожская вольница, усатая, чубатая, с бычьими мускулами, буйная и горластая. Прощлое мерещится картиной Репина и гоголевской романтикой «Тараса Бульбы».

Теперь там кротами копаются археологи, а Днепрострой сооружает два колоссальных железнодорожных моста по обе стороны острова. Тут — тоже романтика, но романтика немножко другая, — романтика революционного созидания, романтика индустриализации.

Из автобуса Днепр еще не виден, но он чувствуется по далеким размытым в дымке скалам, гохожим на развалины рыцарских замков, а Днепрострой — по густым пылающим в солнце клубам пара. И как только автобус вылетает на взгорье, неожиданно вырастает из мертвой

пустыни целый город новеньких домов, казарм, сооружений, пакгаузов, вышек, и среди них—высочайшая пепельная водонапорная башня железнодорожного участка левого берега. Над крышами—зелеными, красными, серыми, очень нарядными, свеженькими—клубится пар снежными вихрями, и бетонная башня среди этих пламенных облаков стройно и великолепно утверждает свою вздыбленную мощь. И опять—поражающая внезапность: я с волнением, не отрываясь от окна, смотрю на новое создание Днепрострой—на головокружительный взлет ажурной мачты вантового деррика. В «Бюллетенях Днепростроя» я прочел академическую статью о вантовых дерриках. Меня поразили тогда их величие и невероятный размах их стрел, вращающихся около центра во все стороны на 360 градусов. Но теперь я поистине изумлен был этой крылатой железной легкостью и красотой вздыбления мачты с 6 лучами троссов, в струнном натяжении вылетающих из верхушки вертикальной фермы и вонзающихся в землю на далеком расстоянии.

Эта мачта и стрела, отлетающая от перпендикуляра по крутому наклону, четко алеют на солнце раскаленным металлом. Рядом громоздятся в сумбурной путанице лесов два причудливых здания, очень высоких и тоже ажурных издали. Догадываюсь: это камнедробильный и бетонный заводы.

В опаловом дыму, который увеличивает расстояния на далеком взгорье—густая цветистая россыпь домов, домиков, длинных корпусов с цилиндрическими и странно сдвоенными крышами,—целый город белостенных и кирпичных строений, который тянется от северного горизонта до южного на несколько верст. В центре, за городом, тоже высокая водонапорная башня, которая кажется

прозрачной в дымке. Около нее — тоже облака пара. Ближе господствует над городом и твердо темнеет графитным фасадом дворец управления главного инженера.

Пролетели мимо три деревянных бурильных вышки. Внутри, за переплетами балок, лениво возятся рабочие. Почему они возятся здесь, вдали от строительства, в необычном отшибе? Всюду на дальнем плане — густая щетина столбов, перепутанных паутиной проводов.

Тусклым зеркалом поблескивают вдали ключья Днепра. Левее графитного дворца пластается длиннейшее здание с стеклянными стенами и зеленой цилиндрической крышей — центральные механические мастерские, ниже странно раскоряченное здание — фабрика - кухня. Вот — мост, тот самый, стройный железнодорожный мост, который скоро уже не будет перелетать через Днепр. В этом месте вода жирно поднимется до рельсового пути, и, если бы мост оставили на месте, он почти весь погрузился бы в спокойную пучину. А с моста видно, как Днепр струится мчится, полосуюя небесные отражения, где-то глубоко в бездне, во мшисто-зеленых скалах гранита. Эти скалы — округлы, обтерты: они очень похожи на циклопические вороха наваленных друг на друга и сросшихся гигантских караваев.

На песчаных намывах обоих берегов бугристыми свалками громоздится бесчисленное множество бревен — лес, сплавленный плотами с верховьев Днепра. Издали все эти бунты бревен кажутся густыми ворохами карандашей. И в сизой дымке они — седые сверху, точно покрыты инеем. Вплотную к берегу, как черные льдины, прилегают еще не разобранные плоты. Видно, как суетятся рабочие, как пара лошадей рысцой бежит от плотов по песчаному отложью, таща за концы длинное бревно.

Вдали — и на левом, и на правом берегу — невероятное беспокойство; не людское беспокойство (разве можно увидеть людей среди гранитных скал, развороченных взрывами, отвалов камня, террас гигантских траншей и густых облаков пара?), не беспокойство муравьиных толп, а беспокойство великого труда, беспокойство машин, паническое беспокойство стихии. Что творится на перемычках, — не видно, но кажется, что они забыты, что там — застоянная пустота. За 8 месяцев они постарели, как-то стерлись в общем пейзаже работ. Ближе, и справа и слева, жирными черными чудовищами погружаются в воду рефулеры — землесосные машины, и от них членистым хвостом скорпиона в широком размахе ползут на поплавках трубы, сворачиваясь кольцом атолла. Всюду остро в тяжелом наклоне торчат стрелы подъемных кранов, и из их вершин едва заметными линиями спускаются тросы оборванными катетами.

Лето 1929 года. Днепрострой вырос, усложнился, расширился в многоверстный город по окружности, могуче механизировался, густо задышал паром и жадно насытился электрической энергией. И всюду, во всем, даже в воздухе ощущается напряженное дыхание труда.

Улица, где рабочком и райком, — та же, никаких перемен: поместительные кирпичные лабазы, ширококостенные и ширококрышие дома патриархальных и зажиточных (когда-то) немецких бауэров. Зелененький домик, где помещались и бюро ячейки, и рабочком, и бюро комсомола, теперь во власти рабочкома и райсовета. Тут теперь стало много людей, много отделов, и райком уже не мог ютиться в прежних двух комнатах. Вот предрабочкома т. Тимошкин, В. А., он посвежел, пополнил и теперь уже совсем стал похож на председателя проф-

совета. Смеется же попрежнему заразительно и попрежнему строптив, упрям и криклив. Вот Ник. Мих, Некрасов в своем РКК — волховстроювец, мастер своего дела, душа-человек, влюбленный и профсоюзную работу и в художественную литературу (явление — необычное среди профсоюзников!). Вот... да разве перечислишь все эти встречи с приятелями, на которых натыкаешься на каждом шагу. На Днепрострой приезжаешь уже, как в родное место. Днепростроем живешь, как родной стихией... Иду в райком, там — тоже встречи. Старый секретарь Позняков — уже далече, а есть тов. Туманов — иваново-вознесенец и, как все иваново-вознесенцы, смачно толстым кренделем выворачивает «о». Бывший красноармеец, с энергичным орлиным носом (совсем не иваново-вознесенским). Попал на заседание бюро райкома. Вопросы интересные — и об изменении системы охраны строительства, и о плане текущей партийной и профсоюзной работы, и...

КОТЛОВАНЫ

С высокой скалы Днепр зеркалится от моста до Хортицы. Ниже перемычек весь он изорван целым архипелагом гранитных островов, кучами навороченных друг на друга огромных валунов. Между перемычкой и островом он проползает узеньким протоком и, кажется, не чувствует никакой тесноты. Вообще Днепр — ни разливлен, ни грозен, ни величав; просто река очень среднего размаха, и мне думается, что наша «кацапская» Ока где-нибудь у Коломны поспорила бы с ним насчет внушительности и претензий на опозитизирование себя в качестве героини стихотворной или прозаической поэмы. Невольно вспоминается гоголевский «Днепр», и он воспринимается через смех, как разбухшая гипербола, превратившаяся

в уродливый шарж. А тем более в наши дни, когда изменились и масштабы, и методы восприятий, и способы воздействия на природу.

Внизу, у подножия скалы, в рамках высоких стен перемычки (настоящий Кремль!) проваливается огромная каменная ямина. Дно ее и стены изуродованы взрывами, острыми ребрами грязно-зеленых монолитов, еще не взорванных утесов, засыпаны отвалами щебня и курганами песку, намытыми весенним половодьем. Прямо, у самой стены, рычит и грохочет экскаватор. Он вгрызается в разрушенную взрывами скалу и остервенело жрет, обломки гранита, и огромные камни с громом падают в его ковш, а ковш подгребает их с самого низа, рвет из скалы, и шея экскаватора с пронзительным хрипом пара поворачивается к ряжам перемычки, где стоят думпкары; нижняя челюсть отваливается, и камни рушатся в железный короб вагона. Через четверть часа думпкары наполняются, и паровоз лихо уносит их куда-то по под'ему вдаль. Позади, где-то сбоку — потрясающий грохот. Я оторопело оборачиваюсь и вижу, как высоко надо мною, в отдалении два думпкара упруго и грузно опрокинули свои короба, и камни со звоном и глухим клохтанием катятся и прыгают по крутому отвалу. На дне ямины, на выступах гранита, и ближе, на другой скале с целый городской квартал оглушительно дрожат пневматические сверла бурильщиков. В их руках сверла прыгают, задыхаются, и пыль дымным вихрем вырывается из бурок под напором сжатого воздуха. Эта громадина-скала должна быть уничтожена, снята до глубины дна еще до нового года. И снимут — снесут обязательно. Ведь здесь и камни, и целые скалы пожираются сразу целыми десятками тонн, и три

раза в сутки по полтора часа трясется и стонет воздух от ураганных взрывов жидкого кислорода, а недра гранитов раскалываются вдребезги.

Тут же на дне котлована рядом с экскаваторами и локомотивными кранами ползают деревянные лошаденки с грабарками, и кажется смешной и ненужной эта возня мужиков с камнями, которые они носят на телеги и из телег на брюхе, надрываясь от натуги. Выше, на другой террасе, на такой же изуродованной площади, тоже напряженная работа. Площадь переплетена рельсовыми путями узкоколейки. Целые составы вагонеток стоят и ползают между скалами и отвалами камней. Маленькие паровозики помальчишечьи кричат, увлекая за собой длинные гусеницы вагонеток, загруженных щебнем, и толкая пустые, свернутые набекрень. И опять — экскаваторы, и опять — оглушительный дребезг пневматических сверл бурильчиков. Еще выше — опять терраса, и опять — то же напряжение труда.

Весь этот участок работ — основание и упор правого конца дуги плотины. И пока грызут здесь скалы, пока разворачивают граниты бризантные силы жидкого кислорода, выше, на горе, расцветают густым переплетением свежих балок два больших завода — бетонный и кампедробильный, которые будут посылать сюда, в эти пропасти, тысячи тонн бетона для сооружения бычков плотины. Уже в ямине идет монтаж дерриков: скоро они станут на бетонных площадках, как ребра трехгранной пирамиды, и выкинут длинные стрелы мощностью до 8 тонн грузоподъема при любом наклоне (мощность локомотивного крана определяется высотой взлета стрелы).

Спускаюсь со скалы вниз, на ряжи. Со стороны реки они глубоко утопают в песчаной отсыпи, похожей на

пляж — работа рефулеров. Военная стража. Пропуск. Милиция всюду на производстве заменена красноармейцами. На плесе, за стеной ряжа, которая высунулась почти до середины реки, стоит баржа с высоким ометом лозняка, снопы его выгружаются на отсыпь песка к ряжам, замыкающим котлован. Это идет настилка «тюфяков», которые будут загружены камнем. Укрепляют стены перемычки к будущему паводку. Всюду по площади ряжа, по обе стороны рельсовых путей — беспорядочной свалкой — инвентарь, части машин, черпалки, полосы шпунтов, бревна. Чавкают топорами плотники. Стоит паровозный кран. Дальше — еще кран. Вот — диковинные трубы насоса, которые изрыгают рыжую муть в отводные корыта. Смотрю вниз — в котлован. В углу, из-под стены ряжей, артезианским родником бьет среди камней прозрачная вода и по широкому жолобу стекает в грязное озеро, которое высасывается помпами. Это — не фильтрация, а грунтовая вода, борьба с которой невозможна. Эту воду можно только непрерывно удалять насосом.

Со стрелы крана плавно спускается странный, чудовищных размеров, черный стальной цветок. Четыре его остроконечных лепестка раскинулись в стороны, венчиком вниз, и в пестике его происходит живое движение сложного механизма. На дне широкого колодца в деревянном срубе — груды песка, бьет вода в разных местах, вороша песок, копаются лопатками рабочие. Цветок опускается на дно, и лепестки вонзаются в мокрое тесто, погружаются, дрожат, вдруг начинают складываться и неожиданно превращаются в большой котел, до краев наполненный песком.

— Вира!

И котел поднимается кверху.

На вместительном моторном катере пересекаем Днепр. Два парохода шлепают плечами: один — большой, «Рязанский», другой — маленький, замызганный — «Рязанов».

На перемычке идет такая же работа, как и на правом берегу; так же дребезжат бурильные сверла, так же грызет грунт экскаватор, так же тормошатся грабари, так же поднимаются и опускаются стрелы кранов и так же пылят паровозы с думпкарами и вагонетками. Только у передней стены ряжа красными массивными козлами упираются в граниты деррики. У одних стрелы безжизненно лежат на камнях, у других уже висят на тросах. Котлован уже почти готов, но углубление дна еще идет полным ходом. Нужно удалить весь мягкий наносный пласт и нивелировать твердое ложе, на котором будет происходить бетонировка бычков.

М А Ш И Н Ы

По деревянным лестницам с террасы на террасу поднимаюсь до шлюза. В верхней камере уже нет тех валунов и округлых спин скрытых под землей чудовищ, которые громоздились год назад. Кладбище тысячелетий разрезано глубоким коридором, и граниты взорваны и сброшены думпкарами в отвалы. Направо громоздится кружевное здание бетонного завода. Оно еще не закончено и представляет сплошной скелет из невероятного сцепления балок, в виде решеток, переплетов, точно это декоративный диковинный павильон. Оттуда плывет аромат сосны и смешивается с запахами свежей земли и взорванного камня. Головокружительно и красиво, в волнующем взлете ввысь, легко и воздушно взлетает около

здания вантовый деррик. Длиннейшие лучи троссов струнной каруселью разлетаются от вершины мачты в разные стороны, и стрела плавно плывет в воздухе пламенным жезлом титана. Она поворачивается на 180 градусов, спускает тросс к штабелям балок, берет штук 15 — 20, поднимает их на высоту шестизэтажного дома и несет к верхней площадке здания. И эта поленница балок кажется в высоте до смешного ничтожной. Зачем нужно было этому колоссу затрачивать энергию, чтобы возиться с этой кукольной чепухой? Неподдалеку по каньону шлюза стоят машины, похожие на пожарные автомобили: это — бурильные машины «Циклон». За ними — обрыв, и из-за скалы обрыва клубится пар, вздрагивая, переламывается шея экскаватора, который рычит и грохочет где-то глубоко внизу. Роется на 10 метров в глубину вторая камера шлюзов. Здесь — только чистый, сплошной гранит, который уже взрывается целыми утесами. Такая работа не под силу бурильщикам, — «Циклон» вгрызается в камень на большую глубину и успевает за смену пробурить 3 скважины диаметром по 4 дюйма по прямой линии поперечного сечения камеры шлюза. Закладываются в дыры баллоны жидкого кислорода, и чудовищные взрывы отваливают утесы, толщиной в 4 — 5 метров. Это нечеловеческое разрушение крепчайших монолитов совершается с потрясающей быстротой. Вторая камера за полгода углублена на расстоянии 100 метров. Экскаватор работает непрерывно. Жутко хватает своими зубатыми челюстями камни величиной с человека и бросает их на думпкары с такой же легкостью, как чайная ложечка кусок сахара. И здесь, между скалами и карьерами, пытит паровозы — отвозят и подают думпкары. «Циклоны» стучают

своими пестами в штангах, и от этих тяжелых ударов силою в тонну вздрагивает скала под ногами. Рабских здесь — мало: 5 — 6 человек, ровно столько, чтобы обслужить машину.

Вдали — тоже клубятся облака пара, вскрикивают гудки паровозов, грохочут экскаваторы; там тоже совершается такая же работа — роется третья камера в сплошной гранитной породе.

Лёссовая стена шлюза в сторону Днепра прорыта широкой выемкой. Здесь укрепляется левый конец дуги плотины. Эти ворота ведут как раз к котловану левой перемычки. Выхожу к террасам разработок и взбираюсь на гребень нетронутой скалы. Вдали, на том берегу, на высоте, горит сквозь дымку целый город в щетине столбов высоковольтных устоев и радиомачт. Река внизу — в архипелаге гранита. Дымят пароходы. Стрелы кранов вытягиваются грузными гипотенузами. Моторные катера и лодки носятся наперерез и навстречу друг другу. Мычит на том берегу пароход, повизгивает сирена, наперебой кричат далекие и близкие паровозы. Пластаются баржи у пристани. И на этом, и на том берегу, и далеко внизу дымят брюхатые черные рефулеры, с длинными хвостами скорпиона. Так и кажется, что это — порт в каком-то глубоком и узком морском заливе.

По горе вниз ступенятся широкие гранитные террасы, засыпанные щебнем и грязью, мокрые от родниковой воды. На каждой террасе — рельсовые пути. Стоят локомотивы и краны, толпятся рабочие, копаясь лопатками в мелком щебне. Они наполняют металлические корзины, прикрепленные к троссам кранов, а краны, величаво поворачиваясь на постаментах, катятся по рельсам и от-

носят корзины к вагонам и вагонеткам и просто в сторону, в тушки скал.

На площадке скалы, как на командной вышке, — головка земельно-скальных работ: среди них — инженер Веселаго, активный участник героической эпопеи Волховстроя, и тот самый прораб, который ничего не признавал в прошлом году, кроме своих грабарей Высокий, сухощавый, сильно интеллигентского облика, с живыми, смещливыми глазами бодрого человека, постоянно живущего среди труда, на чистом воздухе, инженер Веселаго уверен и упруг в движениях и чувствует здесь себя хозяином. Он смотрит на работу кранов и на часы.

— Я был в Америке, — говорит он, — и нахожу, что наша механизация не уступает американской. Она, пожалуй, отстает только в темпе. У нас здесь 4 крана. Для этого объема работ американцы поставили бы только 3 крана, и производительность труда все-таки у них была бы значительно выше. Почему? Наши рабочие на кранах работают только полгода: они еще не научились хорошо и быстро управлять механизмом. В Америке на кранах рабочие работают уже не меньше 15 лет. Думаю, что через год и наши рабочие научатся работать с такой же ловкостью и интенсивностью. Вот посмотрите: на нижнем кране работает матрос, и машина у него уже слушается превосходно. Он уже легко производит сложные разнообразные манипуляции, и в работе его уже есть настоящая красота.

Разговорились о работе кранов, экскаваторов и грабарей. Прораб скептически смотрит на машины и становится на защиту грабарей.

— Экскаватор грубо работает, безобразно, страшно некрасиво. Вот еще так-сяк — паровозный кран. Плавно

работает. спокойно. А все-таки это бездушно. Человека нет. Грабари — совсем другое дело: там человек па виду... всего его чувствуешь.

— Но ведь вы же не будете спорить, что машина увеличивает производительность труда во много раз?

Прораб скептически пожимает плечами.

— Как сказать... Нагоню я вам вот этих самых грабарей и живо сварганю так, что ахнете. Пример налицо — шлюз..

— Согласитесь, что мы были вынуждены использовать ваших грабарей, когда мы пришли сюда с голыми руками. Как видите, ваши грабари теперь нам не нужны: каждый экскаватор заменяет десять грабарей, и нет ни толчки, ни надрыва, ни унижительного принижения человека до степени живого механизма. А поглядите, как грызут камни эти чудовища.

— Что и говорить... машина — основательная штука... кто будет спорить...

— Ну, то-то же не спорьте и забудьте о ваших грабарах... Они вон уже переходят на краны...

Да, вот он, милый человек, этот прораб, стал машинами командовать и — заколебался, отступил. Машина все-таки победила упряма.

Вечером я долго смотрю в окно, на ослепительную россыпь огней, которая густым засевам трепещет по обоим берегам Днепра. Эти бесчисленные звезды горят изумительной картиной огненного цветения. Сдваиваются склянки. Пламенные веревки змеятся по воде, плещутся, рассыпаются искрами.

Чудится, что это — бойкий морской порт, где жизнь не прекращается даже по ночам.

И радостно думать, что здесь, на этих диких берегах

Днепра, совершается великая творческая работа гения. Радостно думать, что это мировое сооружение, которое насытит энергией целые пространства, где грохочет металлом индустрия и взрывают недра антрацитов, этот будущий источник необъятных электрических сил — наш могучий удар в будущее, наша огромная победа в борьбе за социализм. Пусть много жертв, пусть напряжение наших сил чрезмерно, но это мировое сооружение — наша подлинная гордость, это подлинное величие творческих сил пролетарской страны. Надо видеть Днепрострой, чтобы глубоко чувствовать. Тут во всем видна твердая, могучая рука организатора, и только железная воля и сила способны вести это исключительное, сложнейшее строительство.

РАЗРУШЕНИЕ ГРАНИТОВ

Днепровские граниты, которые залегают на огромную глубину на необъятном пространстве, — материнские породы, основа, последние руины высоких горных хребтов, которые когда-то громоздились от Карпат до бассейна Дона. Их стерли века и ледники.

Теперь — это только высокие берега, покрытые бурями ливаыми мха, обглаженные ветрами, солнцем и морозами, да кучи гигантских валунов в низинах, да обломки былых утесов, которые свалками лежат поперек реки на всем протяжении от Днепропетровска до Запорожья, — знаменитые днепровские пороги.

Пройдет два года, и эти пороги, гордость щирых украинских националистов, свидетели романтической Запорожской Сечи и бандитских походов Святослава, погрузятся в пучину днепровских вод, подпертых циклопической плотиной. Исчезнут высокие прибрежные утесы,

Днепр поднимется на высоту равнин и разольется на много километров по балкам стоячими реками, которые будут орошать селянские пашни.

Эти же скалы и утесы, разрушенные взрывами, преобразятся в бетонную подкову плотины.

Днепрострой сейчас только и занят этим чудовищным разрушением скал. Мифическим титанам, которые выворачивали эллинские известняки для того, чтобы бомбардировать своих врагов, не снилась эта потрясающая работа, и Днепрострой имеет больше прав на создание великой былины о себе, поэмы, которая бы пошла в века.

Три раза в день — утром, в полдень и вечером — на всей территории строительства — громовая канонада, взрывов.

Кажется, что множество батарей открывает бешеный ураганный огонь. Вспыхивает ослепительное пламя, в разных местах, далеко и близко, и на том и на другом берегу, и густые облака грязными смерчами взлетают ввысь и плывут над утесами, над рекою, голубеют и тают, оседая на землю.

Эта канонада, взбаламучивая воздух, сотрясая здания, взбалтывая внутренности людей, длится каждый раз более часа.

Камни, щебень, целые глыбы всером разбрасываются на далекое расстояние, взмывая пыль и песок и фонтанами взметая воду в Днепре. И перед взрывами, и в короткие перерывы между взрывами уныло звонит колокол. где-то далеко скорбно поет фанфара, и видно, как люди в красных фуражках копошатся в трещинах изуродованных скал. Это — запальщики, которые всегда находятся на вершок от смерти.

Вон на скале «Дурной», увенчанной домиком на вер-

пине, взлетает до самого неба непроглядный вихрь, и через мгновение воздух делает упругий прыжок, небо дрожит и, кажется, расколется сейчас, как хрупкое стекло и со звоном упадет на землю.

Невероятный грохот и гул сотрясают недра земли, и горячий ветер до боли бьет по лицу и режет барабанные перепонки.

Вот опять такой необъятный грохот и гул с ослепительным взметом огня. Это — на шлюзовом канале.

Так вздыхает жидкий кислород, втиснутый в глубину гранитных монолитов, в узкие буровые скважины. Эти вздохи разворачивают скалы и могучие пласты пород сразу на глубину 8 — 10 метров и отваливают их в виде раздробленного щебня и огромных камней объемом с хорошего быка. Разве это удивительно, если в отверстия диаметром в 15 — 20 сантиметров закладывают десятки килограммов жидкого кислорода?

С чего начинаются и чем кончаются процессы разрушения береговых скал и раздробления пород в выемках котлованов и шлюзовом канале?

Конечная цель — это постройка плотины.

Эта цель определяет целый сложный цикл работ: надо найти в выемках котлованов твердую монолитную основу для фундамента плотины; надо забутить камнями ряжи, чтобы оголить и осушить дно; надо изготовить щебень и песок для массового производства бетона.

Для того, чтобы скальные работы проводить в том гигантском размахе, который требуется для величайшего строительства, нужен целый ряд обслуживающих предприятий: тут и заводы жидкого кислорода, тут и целая армия бурильщиков, которые обслуживают и буровые машины и перфораторы, тут и целые отряды паровоз-

ных кранов и экскаваторов и составы поездов из думп-каров, тут и целые бригады железнодорожников, тут и сеть компрессорных установок, и целое водопроводное хозяйство, и многочисленные бригады металлостов.

Описать это нет никакой возможности в маленьком очерке. Я беру на себя скромную задачу передать свои впечатления о взрывных работах.

Здесь тоже сложный ряд процессов, неразрывно связанных друг с другом и один из другого вытекающих.

Первая стадия взрывных работ начинается с бурения гранитных пород. Крепчайшие кристаллические залежи требуют мощных механизмов для пробурывания скважин (шпуров). Для бурения неглубоких шпуров с маленьким диаметром обычно (кроме ручных сверл для валунов) применяются ручные пневматические инструменты, для скважин глубоких (в 3 — 5 метров) — установки пневматического инструмента на тяжелых металлических штативах.

Эти инструменты известны под названием перфораторов. Их устройство почти тождественно с конструкцией клепальных машинок в котельном деле.

Я не буду касаться устройства их механизмов, я хочу только передать эффект их работы.

Под сильным напором сжатого воздуха, который подается по трубам от компрессоров, стальные сверла крепкой закалки начинают с потрясающей силой дрожать и вращаться. Бурильщик держит инструмент за ручки и регулирует грызущую работу сверла. Он весь треплется, подпрыгивает, плечи и руки трепещут, бьются в неудержимой судороге. Он наваливается на перфоратор всей тяжестью или освобождает его и дает свободно танцовать в скважине.

Оглушительный дребезг, подобный реву мотоцикла, металлический визг стального стержня невыносимо бьет по ушам. Множество этих перфораторов при одновременной работе в раструбах котлованов и скальных выемок вокруг ураганом пропеллеров.

Человеческие голоса, как бы ни надрывалась грудь, немеют, их — нет, они жалко тают на беспомощно лепечущих губах. Здесь люди говорят жестами и мимикой, здесь общение людей, преобразующих мир, выражается только внешними движениями, ибо здесь все рассчитано и взвешено, все спланировано и имеет четкую установку.

Голубая пыль вырывается жидкими облачками из скважин: она выдувается сжатым воздухом — сверло должно постоянно иметь соприкосновение с чистым гранитом.

Сверло очень несложно по устройству; это — стальной стержень с расширенным концом, рыльце которого имеет крестообразную насечку, это рыльце долбит дно скважины и размалывает осколки в пыль. Такую же точно работу производит и перфоратор на штативах, но работу по глубокому бурению.

Производительность труда здесь значительно выше. Один только недостаток у этих инструментов: пары в охлажденном сжатом воздухе сгущаются в воду и заливают скважину. Это ведет к цементации отверстия и «заеданию» сверла! Напором воздуха вода выбрасывается фонтаном и мешает работать.

Эти грязные горячие фонтаны бьют в лица рабочих и окатывают их с головы до ног.

Чтобы стержни не заедало, по ним бьют железом, камнями. Перфораторы захлебываются, капляют, спотыка-

ются, и нужно большое умение, чтобы регулировать их винтом.

Буровые машины Сандерсона («Циклоны») работают на плюзовом канале в котловане будущей электростанции по углублению дна. Даже теперь (1929) это уже глубокая пропасть, а через год она углубится еще на 15 метров и снесется на такую же глубину мощная гранитная скала размахом с Дворец Труда. Это будет место для всасывающих труб, идущих от турбин.

«Сандерсоны» работают с богатырской силой. Буровые долбила ритмически поднимаются и падают на дно скважины и таким образом долбят гранит с разрушительной быстротой.

Каждое такое долото весом в тонну бухает в дно шпура, и от этих ударов алмазного песта дрожат и стонут скалы. Каждая машина за смену изготавливает до 8 шпуров диаметром в 15 — 20 сантиметров и глубиною до 3 метров.

Скважины готовы для заполнения их взрывчатым веществом.

Настает необычайная тишина, скалы пустеют, жизнь прекращается, и пустынное молчание — глубоко и сурово.

Запальщики в красных фуражках бродят по гранитам и обследуют работу бурильщиков.

Звонит уныло колокол, и эти ползающие по утесам красные пятна, и этот предостерегающий звон — тревожны и жутки.

Эти красные шапки вспыхивают на солнце — в яминах, во впадинах, в пегих клыкастых стремнинах, как предвестники огня. Они пугают и влекут, и заунывное пение металла напоминает что-то панихидное.

И это пение колокола продолжается до тех пор, пока бурки не будут заряжены и запальщики не зажгут бикфордовых шнуров.

А в деревянной будке в это время насыщаются жидким кислородом патроны. В особые термосы доверху накладывают бумажные колбаски, набитые смесью опилок и нефтяной сажи, и выливают на них кислород из бидонов (эти бидоны — сосуд в сосуде).

Из узкого горлышка льется прозрачная жидкость, мгновенно просачивается на дно термоса и жадно впитывается через бумагу опилками и сажой.

Голубой пар струится из термосов, тяжело опускается облачками на пол, растекается кудряшками и тает.

Горлышки бидонов махрово пупатся инеем, и их отверстия тоже дымятся кудрявым паром. Он тяжело сползает по стенкам вниз, но исчезает быстро на самом куполе сосуда.

Из бидонов льется жидкость непрерывной струей. Вот уже вылили содержимое из одного сосуда, опрокидывают другой. Я — поражен. В этот маленький ящик даже без патронов достаточно было выплеснуть только половину сосуда, и жидкость полилась бы через край. А тут опорожнили три огромных бутылки, а патроны еще сухи: будто этот термос был бездонной бочкой Данаид.

Это было поистине чудесно, и не удивительно, как одна из экскурсанток, деревенская женщина, ничем не могла выразить своего изумления, как плевком и крестным знаменем.

Рабочие рассказывают мне об этом событии и хохочут с тем же упоением, как, вероятно, и при бабе.

— Что для бабы — чудо, проделка дьявола, то для нас — поденная работа.

Это говорит старик-горняк, богатый опытом человек. — Раньше я сам был слабоват насчет почитания чудес, а теперь, после того как видел всякие виды в жизни, знаю, что до чудес охочи только дураки да бездельники. Есть одно чудо в свете — это многоумный человеческий труд.

Говорит немного цветисто, очевидно, не прочь в свободный часок прочесть газету и книжку и порассуждать.

Но вот в термосе, в свалке колбасок, начинает хлопотать жидкость, разбрызгивая ртутные капли по полу. Холодный пар кудрявится, густо и тяжело сползает по стенкам цинкового ящика на пол. Готово.

Термос наглухо закрывается крышкой. Другие термосы тоже готовы.

Патроны спешно заряжают боевым колпачком с бикфордом, несут к буркам и бросают их в скважины. Делается это спокойно, очень уверенно и быстро.

Нельзя терять ни одной минуты: пройдет попусту четверть часа, и патроны будут бесполезны — кислород за это время испарится без остатка. На зарядание и запалку идет несколько коротких минут, а мне кажется, что эта работа укладывается только в секунды.

Колокол рвет унылый похоронный звон и нервно, крикливо заливается трелью. Это идет запалка шнуров — через 2-3 минуты начнется пальба.

Запальщики торопливо бегут обратно, в блиндажи или в будку. Ни одной живой души не должно быть поблизости — строжайше запрещается подходить во время взрывов ближе 100 метров.

Шнуры горят не больше двух минут. Прозрачный дымок струйкой бежит по шнуру.

Напряженная тишина, которая сейчас разразится страшными взрывами в одиночку один за другим и залпами.

И вдруг земля прыгает под ногами, и воздух грохочет страшной грозой. Взмёт ослепительного огня, бурый смерч из щебня, пыли и камней взлетает на огромную высоту.

Камни градом грохают о деревянные стенки и крышу будки и улетают очень далеко в стороны.

Скала рассыпается вдребезги, и здоровенные камни откатываются в стороны очень легко и юрко, подпрыгивая, как футбол.

Взрывы — раз за разом, оглушительная, потрясающая канонада, ослепительный огонь, вихри пыли и камней; недра скал дрожат, воют и готовы рассыпаться в прах. Воздух упруго бьет по телу, рвет внутренности и больно бухает по голове.

Тягостно и невыносимо противостоять этим стуженым толчкам воздушных шквалов. А потом — тишина до звона в ушах, пустота, собственная невесомость, точно внезапно очутился на иной планете. И кажется, стоит подпрыгнуть на месте и — взлетишь на воздух, как птица.

Запальщики — равнодушны: они как будто даже скучают без дела.

— Весело? — спрашивает парень, хитро подмигивая.

Старик отвечает за меня, не глядя ни на кого, как мудрец, привыкший думать про себя:

— Весело, да не пьяно. От веселья до смерти — только один скак. В нашем труде смерть гоняется за человеком, но он учится у ней быть зрячим, находчи-

— 47 —
вым и смелым. Мы привыкаем не доверять никому и ничему, даже себе.

Но они все чутко прислушиваются, пристально ловят взгляды друг друга и каким-то особым чувством узнают, что взрывы закончены. Быстро выходят, осматриваются. Нето пыль, нето остатки дыма и пара ползают над утесами, над разрушенными камнями.

В этих местах, где раньше выпучивались круглые и ребристые спины гранитов — груды камней и щебня в свежих изломах.

Новая порция патронов уже готова к запалке.

Опять несут их в термосах к буркам и так же быстро, с рассчитанными движениями, с торопливым спокойствием, закладываются новые снаряды под звон колокола и опять струйки дыма бегут по бикфордам. А где-то очень далеко уже потрясающе грохочет другая батарея.

Через час канонада заканчивается. Опять начинается гуденье пропеллеров, металлическое фырчанье — опять заработали бурильщики. Экскаваторы гремят и шипят паром, пожирая камни и щебень. Думпкары наполняются доверху.

Свисток паровоза, и поезд мчится по запутанным путям, между отвесными скалами, поднимаясь с террасы на террасу к камнедробильному заводу.

И так — каждый день с утра до вечера, — так гигантская работа по разрушению гранитов будет повторяться каждый день до окончания стройки гидро-электростанции.

БЫЧКИ

Технический термин — «бычки» — слишком наивен и, я бы сказал, очень похож на иронию, чтобы дать приблизительное понятие о том колоссальном сооружении,

которое должно служить опорой, как бы костяком, будущей «великой подкове» — плотине исключительного размаха и мощи. Быки мостовых устоев покажутся мизерным подобием бетонных махин, которые частым гребнем перережут Днепр и вrastут в границы скалистых берегов, взбираясь в высь по террасам взорванных монолитов. Таких «зубьев» дугообразного гребня на протяжении 750 метров будет возведено 49 до отметки 58 метров (верхняя точка гребня до виадука будет равна 61 метру).

В ноябре 1928 года, как раз накануне годовщины Октября, заложен был первый бычек на левом берегу. Я был свидетелем этого торжественного момента. Собственно, никакого праздничного торжества не было, — не было ни красных знамен, ни речей, ни каких-либо специальных эффектов. Своим обычным суровым темпом грохотала работа: вблизи, в котловане перемычки, трещала пулеметная стрельба перфораторов, елозили по грязным ямам и отвалам щебня колымажки грабарей, рабочие муравьиным месивом копались в мусоре и грязи, хрицели и чавкали экскаваторы, пожирая камни, локомотивные краны ползали по периметру перемычки и, вытянув длинные наклоны своих стрел, увлакивали железные корытца, наполненные щебнем. Выше, между взорванных скал, — тоже краны и бурильщики с судорожно дрожащими в их руках перфораторами. А там, по другую сторону, еще выше, в канале шлюза, пытели и бухали бурильные машины Сандерсона. А под ними, в глубокой ямине, в развороченных взрывами гранитах, грохотал стальным хайлом экскаватор, нагружая огромными глыбами камней железные ящики думпкаров. Прямо, на ряжах, уже стоял, вытянув шею, готовый к работе под'емный кран, а ниже, в прорванном ущелье,

рабочие вбивали последние костыли на рельсовом пути для подачи вагонных площадок с бадьями бетона. Внизу, под скалой, прилиная к обломкам, к щербатым от взрывов граням утесов, во всю ширину траншеи шириною метра в четыре золотился свежими досками глубокий резервуар — опалубка для бетона. Дно этого резервуара — сплошной девственный гранит, изуродованный разрушением — в ребрах, в изломах, в вылучинах, в ямах, в причудливой конфигурации крепчайших кристаллических пород. Кое-где плотники еще чавкают топорами, вертят гайки на концах железных болтов, скрепляющих стенки опалубки, зачем-то передвигают верхковые доски. А внизу, на дне резервуара, несколько рабочих хлопочут над очисткой камней. Это была любопытная работа: один сильнейшей струей воды в упор хлестал из брандспойта по спинам и ребрам гранита, и отраженные брызги молочными фонтанами били и в людей, и в стенки опалубки. Двое рабочих щетками протирали промытые грани, горбыли, углы и щели. Брандспойт опять бил фонтанной струей в протертые места, и потоки воды плескались по ступеням и выбоинам дна и вычерпывались ведрами. Для того, чтобы бетон химически неразрывно слился с гранитом, необходимо добиться почти идеальной чистоты каменного ложа.

По мосткам вдоль опалубки толкались плечами инженеры, техники и прорабы. Среди инженеров четко и характерно выделялись немецкие консультанты. Руководитель работ, инженер Веселаго, похожий на старомодного интеллигента, и рядом с ним экспансивный, полненький, очень ядреный молодой инженер, с иронически-сердитым басом, казались перед немцами обидно мошкоч-

ватыми, неуклюжими и по-рабочему неряшливыми. А немцы были подтянуты, театрально-изящны — в широчайших бриджах, чулках, в великолепных костюмах в сахарно-белых крахмальных манишках. И не консультанты-немцы, а именно наши инженеры, — этот талантливый Веселаго и этот толстенький, немного гаерствующий его товарищ, — переживали этот, казалось, буднично-нудный час с нервным напряжением, приподнятостью и самолюбивой зоркостью. Они, одушевленные своим делом люди, держали экзамен на первоклассных строителей гидро-технических сооружений. Что им театральные немцы в бриджах, чужие и бесстрастные, когда именно они, — советские инженеры, — вкладывают всю душу в это создание циклопов! Ведь отвечают перед страной, перед миром за каждый шаг, за каждую формулу, за каждый выплеск цемента именно они, советские инженеры. В этот час они приступили к сооружению плотины — одной из величайших на земном шаре. О них будет говорить не человек этого дня, а культурная история. Они уже выдержали экзамен на чудесное сооружение огромных перемычек. Для них это — высокое удовлетворение, потому что опытные эксперты-американцы пришли в восторг от работ и были изумлены строгостью темпа, невиданной дисциплиной массового труда и бесперебойного выполнения календарного плана. Теперь же настал момент наивысшей ответственности. Мы не должны и не можем ударить лицом в грязь, — мы и эту фазу работ выполним так же, и мировая победа будет нами одержана с высоким знанием инженерного искусства. И немцы привередливо осматривают каждую деталь, каждую трещину, следят за каждым движением рабочих и одобрительно кивают кепками:

— Гут, гут!.. зер гут!..

Около меня старый опытный техник хитренько ухмыляется в усы и бормочет, наливая хохотом серебряные глаза (лицо жухлое, глянцево-коричневое, а глаза — серебряные):

— Э-эх, назола наша... зер-гут, зер-гут!... А ведь до сих пор пальцем о палец не ударили.. в перчатках выходят — по особому приглашению, как на бал.. Куда тебе равняться до него — спеси у него хватило бы на десяток наших старых бар... Сидят под стеклянным колаком — дунуть нельзя... Зер-гут, — ха!... А ведь все спроектировано, разработано и сделано нашими расейскими руками...

— Ну, и чудесно, — говорю, — это вам зачтется и запишется в книгу истории.

— Ох, какая уж там книга истории! Хоть бы не записали в книгу взысканий.

Но последние слова его, равнодушно-пессимистические, не гасили в нем торжественного волнения.

Закладка первого бычка плотины — исключительный момент в строительстве.

На высоком откосе стоит вся руководящая головка Днепростроя: А. В. Винтер, инженер Веденесв и еще несколько инженеров из главного управления. Все они с сосредоточенным вниманием смотрят вниз, в утробу опалубки, и точно ждут свершения какого-то необычайного события. Александр Васильевич, высокий, сухой, немного нервный, с твердым носом, с суровыми вдавливаниями на его острие, с двумя четкими складками на лбу и одной вертикальной чертой от переносья, от правой брови. Весь он — странно коричневый, с подпалинами и в бородке, и в густых усах, и в зорких, как-будто

ислюдимых глазах. Они кажутся недобрыми, жестокими, но я сказал бы, что они — скорее застенчивы. Такие глаза бывают у даровитых скромников, которые свою стыдливость и присущую им доброту прикрывают грубоватостью. Он, вероятно, улыбнулся бы сейчас от этих моих слов своей неумелой улыбкой, которая не слетает с лица, а скрытно прячется в бородке, как улыбка человека, которому некогда шутить. Это — не улыбка Веды неева, которая вскипает мгновенно в полном оскале зубов — влажно-заразительная, трепетная, вспыхивающая без всякого повода. Александр Васильевич неспокоен, но тверд и уверен. Он нетерпеливо рвется что-то сделать, распорядиться, сойти вниз, на опалубку, и самому приняться за дело, — засучить рукава и без остатка включить себя во все процессы труда. Нет, это — не барин, не организатор-аристократ в белых перчатках: это — рабочий, у которого трудовые мозоли и на руках, и в мозгу.

Об Александре Васильевиче можно говорить много и с удовольствием, но... это дело будущего. Теперь же у меня другая задача — говорить о бычках будущей плотины.

Да, это был торжественный момент в процессе строительства, но, повторяю, никакой праздничности не было. Это был один из этапов в плане работ, а по существу — важнейший рубеж, который определял собою новую эпоху в жизни «Дніпрельстана». С одиннадцатой годовщины Октября приступили к возведению гигантской дугообразной плотины. Эта плотина будет подпирать водную массу Днепра на протяжении около 150 км, и знаменитые «ненасытцы», где «реве рвучій», погрузятся в пучину на глубину 20 метров.

Немцы-консультанты о чем-то оживленно разговаривают с инженером Веселаго и с удовольствием кивают кепками. И опять слышу энергичное и отчетливое:

— Зер гут! Зер гут!..

Внизу, в воздушной глубине котлована, в аспидных обломках развороченных взрывами скал, металлически дребезжат перфораторы. Паровозные краны с вытянутыми стрелами медленно движутся в разных направлениях среди скал и утесов, где-то за отвалами лёсса; должно быть, в шлюзовом канале грохочут и вздыхают экскаваторы. Наверху, почти над нашими головами, стоит в грозной готовности паровозный кран с могучей стрелой, взлетающей над бездной траншеи, террасами ниспадающей гранитным потоком в ямину котлована.

Все подготовительные работы закончены, — закончены с удивительной быстротой и основательностью: люди здесь работают непрерывно целыми сутками в три смены. Все нетерпеливо посматривают вверх, на высокую стену ряжей, на которых уже проложены и закреплены рельсы. Александр Васильевич, мне кажется, еще более похудел, и его строгое спокойствие похоже на острое напряжение, готовое к взрыву.

Под нашими ногами, внутри опалубки, хлещет молочная струя из брандспойта, рабочие с лихорадочной торопливостью шоркают щетками по гранитным ребрам, граням и впадинам. Сейчас должны подать первый поезд с бетоном. Внизу в котловане на изломах скал жужжат перфораторы, за отвалами лёсса, за ряжами, в глубине траншеи металлически вздыхают бурильные машины Сандерсона. Днепр стремительными струями, густо выворачивая пугро в водоворотах, несется в среднем протоке между перемычками. На том берегу, по песчаному отло-

жью, бурыми ворохами лежит строевой лес, а дальше, по взгорью и лощине, — старый Кичкас в черепичных крышах. Высоко, направо, пластается летний театр, и широко разинула рот ротонда для музыкантов. Крошечная церковка кажется там смешной и нелепой.

Прямо на высоте — голубая фабрика-кухня, за нею длинное здание центральных механических мастерских, водонапорная башня и густой засев нарядных домиков рабочего поселка. И аспидное здание управления главного инженера с геодезическим знаком над фасадом господствует над всеми зданиями строительства. Только ближе, почти над отвесными утесами, над широким разливом Днепра, в гранитных островках, громоздятся деревянные многоэтажные корпуса бетонного и камнедробильного заводов. И всюду целый лес столбов электропередачи, стрелы кранов, клубы пара, бьющие из паровозов. Настоящий промышленный городок, полный напряженного труда и скрытого движения, которое ощущается даже физически.

Из глубины траншеи, дугой уходящей вправо, откуда-то издалека, девичьим призывом льется долгий напев паровоза, этот визгливый крик — с хрипотцой, и по этому крику сразу чувствуется, что паровозик — маленький, игрушечный, для «побегушек», что паровозик этот «свой», понятный, и крик его знают все, — знают, что это он мчит сюда первые бадьи с цементом.

Все -- и инженеры, и рабочие — с волнением ждут, — ждут, устремляясь кверху, в сторону ряжевых устоев, к обрыву рельсов, к гранитным скалам и глинистым оврагам. Все замерли в молчании, точно сейчас должно совершиться что-то огромное и необычайное,

В желтой воронке каньона, выкатываясь из-за круто срезанной высокой стены, мчатся две площадки с грязно-голубыми огромными бадьями, а за ними пыхает паром черненький паровик. Так и кажется, что через несколько секунд с разбегу насочит на шпалы, брошенные поперек рельс почти на том месте, где они обрываются, и, перепрыгнув через них, кувырком полетит в пропасть. Знаешь, что этого не будет, что вагоны остановятся, где нужно, но сердце нервничает и замирает, ожидая невозможного.

Вагоны застыли как раз бок-о-бок с краном, и кран сразу же дрогнул, залязгал металлом, стрела задрожала и повернулась высоко вскинутой шеей в сторону платформы. Я не слышал ни команды, ни беспокойных криков. точно все манипуляции совершались сами собою. по особому ритму, по заранее выверенным движениям. Пудовый крюк, на струнно-натянутых тросах, подхватил одну бадью в $1\frac{1}{2}$ куб. метра и легко, с воздушным изяществом поднял на головокружильную высоту, стрела повернулась под прямым углом к вагонам и, вздрагивая чуть-чуть, застыла в нерешительности.

Винтер нетерпеливо взмахивает рукою, и командный голос его даже немножко взвизгивает ст волнения. И сразу же вошел в роль распорядителя. Бадья при очарованном молчании пружинно стала спускаться вниз, к опалубке, как паук на паутине. Все эти гирлянды людей на скалах, на площадке, перед опалубкой, рабочие в опалубке тоже привязаны к голубой бадье невидимыми паутинками, и эти паутинки дрожат и бьются внутри с немим нетерпением и любопытством. Бадья спускается в нутро опалубки, упруго вздрагивая на тросах. Рабочие жадно вытягивают вверх руки, точно

в этом кубическом сосуде плещется чудесная жидкость. Короткая невнятная команда, торопливые выкрики в толпе, где хозяйничает инженер Веселаго, тяжелыми и дряблый ляг — и мутно-голубое тесто мгновенно исчезает сквозь откидное дно, шлепается о камни, обтекает чисто вымытые граниты и, хлюпая, сползает по уступам вниз. Дно опять дрябло захлопывается, и бадья взвивается вверх. Рабочие лихорадочно черпают тесто и обливают им голые камни, втирают щетками, чтобы ни одной щелки, ни одной выбоинки, ни одного пузырька не осталось на этой гранитной подушке.

Опять чудовищный поворот крана на высоте, на башне из ажурных ряжей, забитых камнями, опускается пустая бадья на платформу, подхватывается другая — с жидким цементом, опять поворот стрелы под прямым углом, опять упругий спуск в утробу опалубки — выльеск через дно, и опять работа щеток — втирание теста в гранитные ребра, грани и выбоины. Рабочие уже все обляпаны цементом. Винтер вмещивается во все мелочи: и в работу крана, и в манипуляции рабочих внутри опалубки; он замечает, что цемент протекает в щели между камнями и опалубкой, и требует немедленно залатать дыры. Он инстинктивно рвется на кран, чтобы самому управлять им, спуститься в нутро опалубки и взяться за щетку. Он беспокоится насчет состава цементного теста.

— Жидко... много воды... ерунда получится...

Веселаго не смотрит на него: он — спокоен и крепко уверен. Не отрывая пристального взгляда от рабочих, он отвечает заботливо:

— Верно. Ошибки нет, Александр Васильевич. Все — правильно: смесь отличная.

Винтер успокаивается: на Веселаго вполне можно положиться.

Все восемь сосудов выплеснуты во все уголки и участки дна опалубки; ямы и щели сглажены, нижние уступы залиты. Платформы уползают в траншею, а через несколько минут подается новый состав поезда. Теперь из бадей выбрасывается жидкий бетон. Уходят и эти платформы. Новая доза — уже гуще.

Так заложен был первый бычок великой плотины. Работы шли непрерывно целые сутки, и в день Октябрьского торжества этот бычок был уже забетонирован почти до самого верха опалубки. Вечером на общем собрании рабочих в зимнем театре Винтера встретили овациями, а энергичное, немножко-смешное слово «бычок» потрясло всех энтузиазмом, и в ответ этому слову оркестр долго гремел «Интернационал». Потребовали послать телеграммы ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и обоим Совнаркомам.

Это было в ноябре, в бессолнечный день украинской осени, когда «батько Дніпро» так же угрюмо плескался в первобытные граниты, как и в романтические дни чубатых запорожцев.

Теперь в знойные ослепительные дни июля с мерцающими огненными далями, с сияющими прибрежными песками, с гранитами, блистающими, как перламутр, и еще издали увидел на террасах взорванных скал три голубых стены, одна ниже другой, вставленных в мощные рамы гранитных утесов, в глубоком буром каньоне. Исполинской радиомачтой взлетала к небу ажурная вертикаль вантового деррика с радиусами тросов от вершины, и пернато висела над бездной под острым углом к основанию величавая стрела под'емника,

Этот вантовый деррик взлетал в ноябре около высоченного здания камнедробильного завода. Такой же деррик карусельно напрягается и на правом берегу, над котлованом будущей электростанции.

Связь обоих берегов непрерывно поддерживается моторным катером, вместительным и сильным. И на том и на другом берегу постоянно ждет очереди муравейная пестрая толпа. Переправа туда и обратно — бесплатная. Перед сходами, на прибрежном песке — маленький рынок: палатки с бакалеей и продажей кваса и ситро, тележки с мороженым, целая гирлянда женщин с корзинами; в корзинах — семечки, ягоды, огурцы.

Катер быстро перевозит на левый берег, и не успевает он еще пришвартоваться к пристани, как толпа опроремтью через борт, толкаясь, прыгает на досчатый настил.

По лестницам с террасы на террасу я поднимаюсь на высоту шлюзового канала. Слева — глубокая ямина котлована с ручейками и грязью на дне. Металлически фырчат перфораторы. Бурильщики, вцепившись в ручки пневматических сверл, дрожат руками и плечами. Воют и лязгают локомотивные краны по выгрузке камней и щебня. Немного поодаль, выше, серой гранитной кладкой вырастает из горы обрывок стены. Толпа каменщиков в холщевых фартуках трудолюбиво хлопочет на ее верхней площадке. Это — один из устоев будущей причальной стены шлюза. Другой устой вырастет из глубины этого котлована.

По стенке шлюзовой выемки, засоренной разным хламом и камнями, перепутанной рельсами, трубами водопровода и пневматики, пробираюсь к бычкам плотины. За год дно шлюза углубилось еще больше. Далеко впереди бурильные машины Сандерсона попрежнему буха-

ют своими чудовищными долбилами. Невидимый, прова-
ливающийся в пропасть, шипит, грохочет и хрюкает экс-
каватор.

Первого бычка уже не узнать. Он голубеет высокой
стройной стеной, срезанной под тупым углом для водосли-
ва. Опалубка уже снята наполовину. Плотники работают
над его очисткой от деревянных щитов, скрепленных
между собою железными болтами. До первых зимних
холодов было забетонировано еще два бычка (47 и 45).
В интервале между этими бычками оглушительной бурей
ревут перфораторы. Кажется, что в этом котловане мно-
жество аэропланов безумно воют своими пропеллерами.
Человеческие голоса здесь замирают, не вылетая из гор-
ла, движение губ — жалко и беспомощно. Здесь люди
разговаривают друг с другом только жестами. И чудит-
ся, что стоит только подойти к краю этого котлована, и
ты будешь свирепо отброшен назад невероятными вих-
рями и взрывами горячего воздуха, насыщенного камен-
ной окалиной.

Да, в этом котловане был настоящий ад. Дымилась
каменная пыль, взрывались фонтанами грязные струи
воды, выдуваемой из бурок сжатым воздухом, длинные
сверла (метра в четыре) «заедало» в глубине, их били
железом и регулировали винтом. Длинные стержни
сверл люди по-двое переносят на плечах — снуют вперед
и назад, вверх и вниз. Люди вгрызаются в разворочен-
ные и изуродованные граниты. И каждый день три раза
воздух необ'ятно потрясается канонадой взрывов, от ко-
торых вздрагивают дома, лопаются стекла, выворачива-
ются внутренности и больно взвизгивают барабанные пе-
репонки, как от внезапного удара. Идут подготовитель-
ные работы для бетонирования 46-го бычка. Два нижних

бычка возведены только наполовину. Они пластаются длинными широкими станками параллельно течению реки. Внизу, в котловане перемычки, очень глубоком, вместо предполагаемой глубины в 3 метра — 9 метров (до твердого грунта), заканчивается откачка залено-бурой воды. Со второй половины июля, весь август и сентябрь, а может быть, до заморозков и здесь, и на правом берегу забурлит работа по бетонировке всех намеченных здесь бычков и примыканий к ним, чтобы глубокой осенью и зимой провести работы по установке перемычки в среднем протоке.

Так, через два года строительства «Дніпрельстана» начинают вырастать из гранитов первые бычки — гигантские зубья дугообразной гребенки плотины. В течение этого (1929) года бычки будут забетонированы до отметки 30 метров. В богатырские оналубки выплеснут бетона 165 тысяч куб. метров. С октября по декабрь будут взорваны и разобраны перемычки правого и левого берега: в них уже не будет никакой надобности. Но за два последние месяца будет сооружена перемычка в среднем протоке, и за эти 60 дней свершится работа титанов: 58 тысяч куб. метров камня свалено будет в ряжи новых двух преграждающих течение стен. Вода хлынет через пороги гребенки между бычками правой и левой секции, а весной после паводка из перемычки будет откачена вода (мощные насосы выбрасывают воду из перемычек в течение $1\frac{1}{2}$ —2 недель) и приступят к очистке котлована для бетонировки остальных бычков. Летом будущего (1930) года будут забетонированы до разной высоты все 47 бычков, не считая примыканий к берегам.

Циклопическая работа на Днепрострое совершается без перебоев, календарный план выполняется с точно-

стью до одного дня, и темп трудового напряжения приводит в изумление не только наших экскурсантов, но и иностранных инженеров-консультантов. Даже они, пришедшие у себя к механической силе, признаются, что этот строгий, напряженный темп обуславливается в большей степени революционным сознанием нашего рабочего класса, — сознанием, что он — хозяин своей страны, и труд его — не «труд в себе», а «труд для себя». Они уже вынуждены признать, что этот труд — не «бездушен», не «аполитичен», а труд, который по своему внутреннему содержанию адекватен революции, ибо революция труда в стране Советов иначе именуется «строительством социализма».

ЖЕЛЕЗЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Заводы — камнедробильные и бетонные, это — важнейшие железы в организме Днепростроя. Без них строительство было бы обречено на паралич. Такие заводы были и на Волховстрое и Загэсе, камнедробилки есть и на цементных заводах Союза, но они не могут дать хотя бы приблизительного представления об этих чудовищах. Сплетенные из деревянных ферм, дышащие седой пылью, четкие в гранях и мутные в перспективе, они вздыбляются ввысь, как гигантская комбинация из призм на том и на другом берегу, друг против друга, будто легкие суровые координаты еще не оформленного сооружения. В ноябре 1928 г. они еще не работали: один достраивался, другой производил испытания своим механизмам. Рельсовые пути перепутанными ветвями расползаются от них в разные стороны — к скальным разработкам, к котлованам, к вокзалам, на левом берегу — по

шлюзовому каналу — к верхней и нижней камерам и в штольням — к бычкам.

Собственно, эти заводы — и бетонный, и камнедробильный — близнецы: на обоих берегах они живут попарно, каждая пара — органическое целое и каждую пару правильнее назвать — камнедробильно-бетонный завод, то-есть их — не четыре, а — два. Процессы их работы неразрывно связаны — одни вытекают из других и их механизмы функционально срастаются в одно общее движение.

Рельсовые пути шлюзового канала изгибаются влево в траншею с крутыми, гладко срезанными стенками. Из-за стенки уже наваливается сизой громадой деревянный корпус завода. Рельсы выходят из траншеи и сразу же вплотную натягиваются параллельно длинному плоскому зданию, похожему на пакгауз. Это — склад цемента, который в мешках по конвейеру отправляется в далекие глубины, сумеречные, причудливо загроможденные густой путаницей балок и странных механизмов. Цемент непрерывной лентой утекает в утробу бетонного завода, где он по норям поднимается вверх и в определенных ингредиентах автоматически отвешивается и вместе со щебнем, тоже в определенных весовых единицах, поступает в барабаны, смешивается с водой, а потом эта масса из бетоньерок выбрасывается в бадьи.

Впереди, уползая в черную пасть тоннельной арки стоит состав из думпкаров, наполненных камнями из скальных карьеров. На каждом думпкаре камни навалены пирамидой. Они громоздятся в этих железных коробьях пегими кристаллами, поблескивая на солнце перламутровыми искрами в изломах. И кажется удивительным, как это такие глыбы (не меньше кубометра в объеме)

крепчайшего состава в короткие секунды могут дробиться в мелкий щебень. Какие же должны быть могучие зубы для того, чтобы раскрошить эти исполинские куски утесов!

Состав поезда не неподвижен: он медленно, регулярно раз за разом толкается вперед в черную пустоту арки — проползет немного и остановится, проползет и остановится... Эти странные движения становятся понятными, когдаходишь в эту огромную арку. Поезд передвигается уже в самом заводе: это даже не арка, не тоннель, а — центральная часть завода, где находятся самые мощные машины камнедробилки. Это — желудок завода. Каждый думпкар несет на себе до 15 куб. метров «рваного» камня, весом до 25 тонн. Пара думпкаров останавливается как раз против двух опрокидных платформ, соответствующих площадям думпкаров. Камень с переднего думпкара сбрасывается на платформу, она грузно поднимается внешней частью и опускается внутренней, и камень сыпается на падающий грохот. Этот грохот состоит из железных продольных брусьев, которые движутся толчками через один взад и вперед. Камень движется по наклону к воронке дробилки, и страшные глыбы с оглушительным громом падают в стальные челюсти, а челюсти, это — две ребристые массивные грани, сходящиеся внизу под острым углом, но не плотно, а всегда между ними сжимается и разжимается щель. Глыбы гранита попадают в воронку и с огненными брызгами пережевываются этими челюстями в течение двух-трех секунд. Одна из этих двух челюстей приводится в колебательное движение особым двигателем большой мощности. В течение часа эта машина прожорливо пережевывает до 250 — 300 тонн гранита, размельчая глыбы

в мелкий щебень. Около этого стального хайла стоит один рабочий в предохранительных очках и регулирует движение грохота и двигателя. Сюда никто не допускается, кроме администрации: работа здесь очень опасна.

— Здесь — ответственная работа... — беспокоился молодой парень, когда я прорвался к нему через все заграждения: — чорт-те знает, что может случиться... Сам не можешь привыкнуть.

Но все же благосклонно разрешил мне присутствовать при работе дробилки. Гром был оглушительный и потрясающий — дрожали подмости, в пыльном воздухе крутились вихри, и, казалось, все здание колыхается и трепит сверху донизу. И парень не кричал, а вылил мне в ухо до насадной хрипоты. Я смотрел в воронку и не мог оторваться от страшной работы этого дьявольского механизма. Вот с подающей тележки упали вместе с мелочью три камня, каждый с хороший сундук, и щербатые челюсти быстро захрумкали, взрывая брызги искр. Камни трещат, крошатся, проваливаются ниже и быстро исчезают в узкой щели жующих челюстей. Опять грохочет новый обвал камней, и опять — та же жующая работа стальных десен без перебоев, без задержек, с ритмической размеренностью. Чорт побери, попасть в этот кашкан, быть изжеванным этим чудовищем... даже мысль об этом способна довести до обморока. Эти острые ощущения не снились, вероятно, и самому Эдгару По. И когда я, пораженный, неотрывно смотрел на это ужасающее пожирание камней, я почему-то вспомнил об одном жутком насекомом — о «богомоле», который также ритмически, с таким же сокрушительным равнодушным пожирает кузнечика, начиная с брюшка, держа

его гигантскими передними вертлугами, усеянными острыми шипами.

Раздробленные камни падают вниз в особое хранилище, а оттуда черпаются нориями, поднимаются опять до уровня думпкаров и выбрасываются на крутые грохоты к другой—вращательной—дробилке. Ее устройство очень простое: в круглом отверстии, обрамленном зубчаткой, кругообразно раскачивается стальное яйцо (точнее — два конуса, соединенные в основаниях). Посередине, в самой широкой части, опоясывает это яйцо тоже зубчатка. Между обеими зубчатками — кольцевая щель. Камни попадают в эту щель и дробятся в очень мелкий щебень. Здесь пыли еще больше. Она удушливо вихрится густыми облаками и относится сквозняком наружу, в широкие вездные отверстия. Чтобы рассеять эти облака пыли, над грохотом устанавливают два мощных пульверизатора. Мельчайшие брызги широкими веерами орошают пыльное пространство, смачивают потоки камней и освежают воздух.

После двойного дробления измельченный камень опять по нориям поднимается на следующий этаж и там выбрасывается в барабаны, просеивается и сортируется. Щебенка идет по нориям, и из здоровенных глыб гранита получается красивый искрящийся песок, мелкий гравий, очень похожий в отвалах на крупное ячменное зерно, крупный гравий и щебень. Весь этот материал поступает по нориям в бетонный завод. Там он проходит через целый ряд механизмов и в строго выверенных порциях смешивается в бетоньерках с цементом и водой.

• П О С Е Л К И

Оба новых поселка Днепростроя могут служить сейчас образцом культурного оборудования. Когда-то

они произвели на меня крайне удручающее впечатление. Теперь они стали неузнаваемы. Это — сплошной цветущий сад, с широкими английскими газонами, в куртинах, в кудрявых декоративных бордюрах. Аллеи из молодых деревьев, площадки и дорожки, густо посыпанные мелким гравием из свежих отвалов камнедробилки. Выжженные и пыльные пустыри и одичалые поля в бурьянах и колючках горят теперь густым опалом овсов, и овсы — живые от серебристых волн и дышат пряным ароматом буйного роста. Перед домиками и казармами уже нет ни смрадных свалок, как было когда-то, ни пыльных проездных дорог, ни грязи, ни сору, — гравий и песок искрятся под ногами и хрустят, как первый снег. Похорошели и помолодели домики — они похожи на опрятные коттеджи и манят уютом и праздничностью. На верандах — зелень, вьющиеся растения, и чувствуется забота о своем жилище. Уже не торчат перед казармами грязные артельные кухни с зашарпанными кашеварками. Газон, клумбы, рабатки поливаются утром и вечером из шланга.

Перед зданиями «красных уголков» пышно кудрявятся скверы, широкие площадки, посыпанные гравием, с пышными узорчатыми клумбами, с широкими газонами, а поодаль — такие же широкие площадки, с высокими экранами и «голубятнями» для кино, новенькими, золотыми, в сладостном запахе смолистых досок.

Если подходить к этому культурному благоустройству с формальной точки зрения, то кажется непреложным, что такая затея только повышает себестоимость строительства. Но когда задача решается при ином, более глубоком подходе, соображения о себестоимости теряют всякую серьезную основу. Я даже думаю, что снижение

себестоимости строительства в большой степени зависит от этого благоустройства. Это — не парадокс. Ведь культура быта рабочих масс тесно связана с реконструкцией экономики. Лозунги «культурной революции» (революции! — это надо иметь в виду) создаются и оформляются не впустую. Все лозунги писать, ежели их не выполнять — не проводить в жизнь. Культура быта имеет огромное воспитательное значение: она выпрямляет человека, «облагораживает» его, делает его устойчивым, расширяет, углубляет, укрепляет его классовое сознание.

Скотские условия жизни — грязные бараки, дикие безотрадные пустыри, непролазная грязь, непроглядная пыль, насекомые, первобытные кашеварки, вонь, уныние, серая скука и пустота вокруг, — все это способно толкнуть человека, уставшего от тяжелого труда, на самые мерзкие поступки, чтобы убить время, забыться от этого безрадостного отдыха, — на пьянство, разврат, хулиганство, драки, на издевательство друг над другом. Это и расцвело прежде довольно махрово и гнусно. Люди лежали в пыли и блевотине. Детишки поросятами елозили в пыли и грязи. Женщины, забитые и темные, покорно несли ярмо слепых рабынь. В казармах была отвратительная нечистоплотность.

А теперь уже не то — на глазах в короткое время совершился настоящий переворот в домашней жизни рабочих. В казармах уже наблюдаются чистота и порядок. Грязи уже нет. Люди после работы моются, чистятся, «шепурятся». Они уже группами и в одиночку гуляют по аллеям и дорожкам сада, сидят на скамьях с детишками и оживленно спорят по вопросам политики и строительства. В руках — газеты. И женщины уже смотрят по-человечески, и в глазах и в голосе чувствуется «гра-

жданка». Они уже ходят на собрания и активно участвуют во всяких кампаниях. Работницы женотдела с восторгом говорили мне, что жены рабочих (домашние хозяйки) сейчас работают активнее и организованнее, чем работницы предприятий на строительстве. Рабочий сейчас уже не валяется в пыли, он уже не смеет плюнуть не только на пол, но и на дорожку садика. Он уже не пойдет по газону и строго следит за детьми.

Вспоминается один незначительный, но характерный случай. На левом берегу, в поселке, женщины мыли и чистили казарму. Топчаны были выброшены на улицу. Один из них нечаянно попал ножкой на газон. Рабочий, который шел мимо, с возмущением и гневом замахал руками и закричал еще издали:

— Что ты, такая-сякая, не видишь, что делаешь? Очи запырило? Где у тебя топчан? Сейчас же убрать с газона.

Женщина заахала и торопливо убрала топчан.

По-моему, это — очень много. Рабочий приучился ценить эти насаждения, как дело большого общественного значения: это для него — общественное достояние, которое дорого прежде всего для него самого. Все это связано с его трудом, со всем строительством, где он является одним из существенных звеньев в процессе великого созидания.

Голубые павильончики, похожие на будки трансформаторов, очень строгие и опрятные с виду, стоят на площадках в разных местах поселков. Они не портят мирной красоты газонов и цветочных клумб. Как будто они даже у места — конструктивно заполняют ненужные пустоты. Это — душ для рабочих. И утром, и днем, и вечером они моются в струях воды, которая подается по трубам

из водопровода.купаются целые семьи, полощатся ребяташки. а в знойные дни июля тут долго хлещет вода. грохочет хохот, и вперевой, впереклик взрываются артельные крики взбодренных людей. Разве это — не новое в быте рабочих?

Так, по-моему, должна делаться настоящая культурная работа: не голые слова, не голые лозунги, не казенная бездушная процедура по циркулярам и инструкциям культотделов и культкомиссий, а живое, пропитанное горячей кровью начинание. Осточертели пустые трескучие слова (а болтать насобачились здорово!) — от них гложут и балдеют люди и становятся тупыми и равнодушными. И себестоимость производства повышается как раз от этой пустой трескотни (каждое слово обходится в копейчку), действительное же снижение себестоимости обуславливается разумными затратами на подлинное культурное изменение быта рабочих масс, на их воспитание делом, мероприятиями по благоустройству жилищ и удовлетворению их духовных запросов.

ФАБРИКА-КУХНЯ И АРТЕЛЬНАЯ БАБА

На фронте стены, отделяющей огромный зал столовой от кухни, рельефно чеканится накладными буквами лозунг: «Общественное питание — путь к новому быту». Лозунг многообещающий и ответственный. Всякий лозунг всегда рассчитан на будущее: он живет, возбуждает, бьет на волнение. Это — пафосная литература. Смысл всякого лозунга — в той или иной степени романтизирован. И жизненность его, действенность и сила его внушения тем неотразимее, чем крепче он организует волю и назревшие потребности масс и чем конкретнее он осуществляется на практике. Лозунг не должен расхо-

даться с повседневностью. Он не выносит ни формализма, ни казенщины, ни наплевательства. Лозунг должен быть честен и нелицемерен. Но как только лозунг, как бы он ни был привлекателен и чудесен, окажется в разрыве с практическими свершениями, он становится смешным и обидным.

Такие мысли тревожно беспокоили меня, когда я наблюдал за работой этого могучего предприятия Днепроостроя. Вопрос о постройке фабрики-кухни был решен еще в начале строительных работ. Сооружена она была уже через полгода. Действует уже больше полутора лет. Какие же результаты? Действительно ли осуществляется тот лозунг, который выпирает из фронтона стены и кричит на весь зал? Чтобы внедрить в быт рабочих масс общественное питание, как основную функцию коллективного общежития, нужно ведь очень немного: дать стол — здоровый, вкусный, простой и приглядный. И вот до сих пор я не могу понять, почему в этой общественной столовой, именуемой фабрикой-кухней, рассчитанной на многие тысячи желудков, пища отвратительна до тошноты — отвратительна и по вкусу, и по виду. Говорю это без всякого раздражения — я отмечаю только факт и передаю общественную оценку этого факта. Я даже мог бы опереться в этом случае на данные обследования комиссии РКИ, но ведь я не пишу официального отчета. Ведется непрерывная борьба на строительстве за хорошее общественное питание — и на местах работ, и партийной организацией, и профорганизацией, сменяют руководителей, заведующих, переизбирают ячейку и местком — и все-таки результаты плачевны. Что-то ускользает из рук местных организаций и масс. Нужно произвести революцию в отношениях между

кооперацией и общественными организациями на строительстве. Кооперация, которая ведает столовой, оторвана от строительства. Общественное питание должно быть делом общественного внимания масс.

Что такое фабрика-кухня? Это — колоссальное здание, полное света и воздуха. Белизна стен, колонн (лучше — деревянных опор), воздушная высота в переплетах балок и стропил, белые клеенчатые скатерти на бесчисленных столах, больших и маленьких, как необъятное шахматное поле. Зелень. Сквозь длинный зев в стене видна блистающая кухонная лаборатория, далеко уходящая в перспективу, в клубы пара, в мерцающий жар. Там — толпы поваров и прислуги в белых халатах и колпаках. Чудесное здание — оно привлекает и радует, дышится свободно. Здесь можно отдыхать долго и спокойно, не чувствуя смрадной духоты отбросов и об'едков пипси. Здесь как будто не видишь мух и жующих челюстей соседей. А там, в лабораторий и скрытых задних помещениях, где хранятся продукты в холодильниках, в которых лед непрерывно изготавливается могучими аппаратами, где все загромождено машинами, и ни одна рука не прикасается ни к мясу, ни к овощам, ни к хлебу, где даже посуда моется механически, — там идет лихорадочная хлопотня, и издали чудится, что это не кухня, а горящая светом операционная, а повара и прислуга — не кулинарные работники, а чинный медперсонал, занятый сложной работой по вскрытию больного. Здесь — массовое производство пищи на десятки тысяч людей. Здесь механизация доведена до совершенства, а меню, это — строгий стандарт. Снабжение продуктами поставлено превосходно: в этом отношении Днепрострой находится в исключительно благоприятных условиях — **вс**

лучшее, все свежее в первую голову обильно получает Днепрострой. Так почему же все это тучное, свежее богатство превращается в этой блистающей лаборатории фабрики-кухни в вонючую бурду? Неужели виноваты машины, стандарт, котлы и пар, который и варит, и жарит, и слушается мастера? Но ведь там — целые полки квалифицированных поваров, которые, очевидно, где-то и когда-то могли угождать самым требовательным гурманам. Ведь все данные будто налицо, чтобы дать пищу удовлетворяющую самые непритязательные вкусовые потребности, а массы рабочих и служащих никак не могут привыкнуть ни к борщу, ни к жаркому и уходят из столовой с обидой, с отчаянием. И злорадно повторяются крылатые слова Винтера:

— Вот вам оборудована кухонная фабрика, предоставлено все, что нужно, предусмотрены всякие мелочи, что же вы сделали из этой фабрики? Вы сделали все возможное для того, чтобы убить идею общественного питания на строительстве.

Как это ни грустно, но это — сущая правда.

На фабрике есть два вида обедов — «артельные» — за 25 коп. и «индивидуальные» — за 90 коп. Но — увы! — и те и другие — «оба хуже».

И дело не в том, чтобы поднять «рентабельность» кухни (этим особенно хвалились работники фабрики), а в том, чтобы довести до предельной высоты качество продукции. «Убитую идею» всегда очень трудно воскрешать: всякое «воскрешение» всегда требует тягостных «накладных расходов».

Вот почему борьба с «артельными кухнями», «артельными бабами» и «домашними примусами» до сих пор очень трудна — «крыть нечем». Прежде всего чем бе-

рат «баба»? Тем, что она умеет угодить артели: она, «не мудрствуя лукаво», с преданностью домохозяйки умеет сварить традиционный борщ, щи с наваром, соус и кашу с маслом — «свое», «родное», «понятное», радостное для брюха. Щи, как и полагается, пахнут самой настоящей говядиной и косточкой, а не псиной и лоханью, и на вид они — янтарны, а не грязны, как отбросы в помойке. И жаркое — ароматно, а не сипие пматки, «питые бурой пугающей сукровицей». Чтобы заставить артели перейти на общественное питание, начали разрушать кухни при казармах и изгонять «неорганизованных», «первобытных» баб. Но... бабы пока остались бабами, а артельные кухни вышли на чистый воздух.

«В порядке самокритики» работники партийного комитета в достаточной степени жестоко и честно секли себя за слабое руководство на этом «важном участке» работы строительства. Весь шум, поднятый вокруг фабрики-кухни, окрыляет надеждой, что общественное питание на строительстве вступает в «новую эпоху». Хочется думать, что это будет не очередная «кампания», а длительное «революционное движение».

НОВЫЙ ГОРОД

Старого Кичкаса уже нет, старый Кичкас умер — он исчез, растворился, рассосался, в силу могучего строительного эндосмоса, в необъятной массе зданий вырастающего нового индустриального города — будущего большого города, рожденного реконструктивной эпохой нашей революции. Этот город еще в младенчестве и, как все рожденные нашей эпохой города, свое младенчество переживает бурно, и темп его роста невероятен по стремительности, грандиозности и размаху. За последний

1929—30 год территория города расширилась раза в два, а население возросло в три раза. В предыдущем году числилось на Днепрострое до 8 тысяч человек, а теперь — 24 тысячи. Этот темп роста рабочего населения будет повышаться неослабно, и, без сомнения, лет через пять Запорожье и город гидроэлектростанции сольются в единый город фабрично-заводских комбинатов радиусом в 10—15 километров, т. е. будет радиус Москвы, только без ее безалаберной планировки и непереносной скученности — наследия прошлых веков.

В Запорожье тоже ощущается биение строительного пульса. Город как будто ощущает дыхание бури на холмах Кичкаса: он начинает вырастать, двигаться по шоссе каменной и бетонной цепью новых зданий к Днепрострою. Его заводы разрывают старые оболочки корпусов, сметают довоенные сараи и хижинки и расцветают грандиозными лесами и каркасами — возводятся новые цехи, с новыми станками и механизмами.

Между Запорожьем и Днепростроем уже нет степных разрывов: на протяжении всех десяти километров — сплошная улица: периферия города сливается с большим селом Вознесенкой, а в Вознесенку врезывается, наступая на нее, новый поселок, блистающий белостенными зданиями общежитий, коттеджей, учреждений, пылающих электричеством, опутанных густой сетью электропроводки, в щетине столбов и в кружевах строительных лесов. Раньше эта территория мерцала степным маревом, горизонты таяли очень далеко в сонном покое курганов и мужицких пашен, а сейчас бурные темпы рабочего напряжения, с его характерным, чисто промышленно-городским колоритом, неудержимо и стремительно плещут прибоем в эти тогoleвские бурьянные просторы.

отлагаются кристаллами корпусов, геометрической планировкой кварталов и суровой простотой архитектуры. Тут еще пока все — вчерне: всюду — щебень, еще не вытоптана дикая трава, еще не проведена нивелировка улиц, но через год или даже к осени на площадках и за оградами будут разбиты цветники, широкие проспекты будут засажены молодыми деревцами.

Налево, в сторону Хортицы, ровная прошлогодняя степь тоже заросла густой массой зданий и строительных лесов. Тут уже настоящая городская строительная горячка: на всем размахе территории, площадью не менее 20 квадратных километров — громоздятся террасами причудливые путаницы лесов, толпятся густые вороха крепких домов, временных барачков, коттеджей. Расходятся в разные стороны под'ездные пути. Огромные пепельные здания электротехнического института грузно дымятся над взволнованными крышами прошлогодних и новых зданий, а над этими крышами, поодаль от корпусов вуза, над кудрявыми бульварами и цветниками — высокая, стройная водонапорная башня. Всюду — клубы паровозного пара, хлопотливые визги «кукушек». А за новым поселком, направо, очень далеко, рыжие облака пыли, приземисто пластаются длинные бараки грабарей. Идут земляные работы на распланированной территории Днепрозаводстроя. Это будет один из тех гигантов-комбинатов, которые вводятся нашей социалистической промышленностью во всех частях нашего Союза и которые уже и сейчас, в процессе их созидания, преобразуют весь лик не только окружающих районов, но и хозяйственную структуру целых областей (стоит напомнить о Магнитогорске, Тракторострое, о Турксибе, бурно пробуждающих к жизни целую страну...).

Днепрострой изменился по размаху своих работ: панорама стала богаче, сложнее, наряднее, и вся ее структура центростремительно напрягается в одном грандиозном узле — в четкой могучей дуге плотины и в богатырском здании электростанции. Издали это здание еще только рождается в своей основе, но оно уже величаво по своей колоссальности и, увенчанное пятью вантовыми дерриками, похоже на океанский корабль. Попрежнему оба берега загромождены сплошным засевом бревен, попрежнему приближенные плесы в густых бордюрах плотов. Но уже сразу видно, что Днепр разбух, вспучился, поленивел в течении и стал всползать на песчаные берега. Теперь уже в линии перемычек и бычков нет сплошных открытых протоков: река рвется только в прорехи частой гребенки бетонных громад, похожих на крепостные башни, в прогалины ряжей, по которым проложены мосты для под'ездных путей по обе стороны бычков.

ЭКСКУРСИОННОЕ БЕДСТВИЕ

Днепрострой теперь поражает своим многолюдием, суетой, беспокойством: всюду — и на улицах, и на строительстве — суматошные толпы. Кажется, что территория Кичкаса и разных участков работ не может вместить всех этих снующих толп. Улицы сплошь залиты людьми, а на плотине, на шлюзе, на электростанции, на фабрике-кухне — невероятная толкучка. Кажется, что всюду — праздник, бездельное препровождение времени, и люди не знают, куда деть свой досуг. Своих людей — рабочих и служащих строительства, — сразу видишь по облику, по будничной деловой озабоченности, по спокойной целеустремленности. а женщины — домашних хозяек — по

терпеливому ожиданию с кошёлками в руках в хвостах у кооперативов. И не ошибешься в своем заключении, что все эти толпы—чужие здесь, это—гости: они ходят скопом, отрядами (на участках работ) или просто убивают время, слоняясь всюду в праздном любопытстве. Это — экскурсанты. Летнее время — сезон для экскурсий, время отпусков, отдыха. Такое огромное строительство, как Днепрострой, является центром внимания трудящихся нашего Союза: это — их гордость. Днепрострой своим напряженным огромным созиданием возбуждает, поражает, насыщает бодростью, энтузиазмом. И неудивительно, если со всех концов Союза сюда стремятся многочисленные отряды экскурсантов, чтобы полюбоваться на невиданную картину трудового напряжения, на великолепную, чудовищную панораму строительства, на величественную красоту бетонных сооружений, на сказочный рост нового, социалистического города, который не прерывает своего строительного ритма ни на одну минуту. Рабочие Днепростроя как будто должны гордиться тем, что они — в центре внимания миллионов, что они должны радоваться этой крепкой братской связи даже с отдаленнейшими уголками страны Советов. Но эти тысячи людей, эти бесчисленные отряды, которые наводняют и котлованы, и под'ездные пути, и площадки, где работают краны и деррики, — эти толпы, которые забиваются во все проходные и непроходимые места, тумашатся под ногами, мешают на каждом шагу, обрывают движения, преграждают путь, подвергаясь опасности быть раздавленными, искалеченными. На лицах рабочих не видишь ничего, кроме злобы, возмущения и неудержимого желания заорать на всех этих непрошенных людей истошным голосом и прогнать их долой с тер-

ритории строительства, куда-нибудь подальше. Этот бесплановый самотек многих тысяч людей выбивает из колеи трудовую жизнь Днепростроя. Очевидно, всякие экскурсбазы и бюро по туризму без предварительного сговора и согласования с Управлением Главного Инженера и с профессиональной организацией строителей головокружительно форсируют «темпы» своей работы и, закусив удила, несутся в вихре различных маршрутов, в которых обязательным пунктом стоит Днепрострой. Я просматривал длинный список маршрутов, опубликованных украинской организацией туризма, и в каждом маршруте непременно крупным шрифтом значится «Днипрельстан». А сколько таких длинейших списков опубликовано по всем республикам! Нет сомнения, что все эти многочисленные экскурсбазы и бюро туризма бестолково соревнуются друг с другом в достижениях максимального, рекордного количества бригад, отрядов, групп, которые лихорадочно бросаются ими в разные стороны, наперерез друг другу, или в общий скоп, в общий хоровод. Получается невообразимая сутолока, бестолочь от этого стихийного наплыва толп. Надо учесть, что каждому отряду, каждой группе необходимо выделить из состава технического персонала строительства руководителя, который должен потерять уйму времени для ознакомления экскурсантов с состоянием и ходом работ на Днепрострое. А таких руководителей отряжается не малое число. Влияет ли это на нормальный ход производства? При горячих темпах труда, когда квалифицированные силы на счету, отрыв их от работы чувствительно бьет по общему распорядку, по строго намеченному бюджету времени, по ежедневному плану, который и без того часто рвется от недостатка рабочей

или. Тревога, поднятая газетой «Днепрострой» относительно прорывов в бетонировке плотины и на земельно-мелиоративных работах в котловане среднего протока — не напрасна. А толпы экскурсантов наводняют и перемышляют, и котлованы, и шлюзы, и электростанцию, тормозят движение, засоряют пути, подвергая опасности и себя, и такелажников на кранах и дерриках, и рабочих-каменщиков, и бетонщиков при их тяжелой работе, нарушают ритм и напряжение. Неудивительно, если рабочие нередко орут, взрываются яростью и гонят к чертовой матери всех этих любопытствующих и любознательных гостей.

Другое несчастье, которое несет с собою экскурсионное нашествие, это — продовольственный «разгром». Здесь уже вошло в привычку называть экскурсантов «мешочниками».

Кооперативы и рынки бурей очищаются и в Запорожье, и на строительстве. Масло, яйца, мыло, сало — все мгновенно исчезает в торбах.

Из кооперативов берут все, что можно взять. Нет сахара, мыла, жиров, недостает хлеба. Я был свидетелем тяжелой картины на собрании, посвященном работе кооперации на Днепрострое. Жены рабочих неистовствовали, они буквально устроили обструкцию против кооператоров. Было ясно, что система снабжения терпела крах, и в этом прорыве огромную роль сыграла экскурсионная стихия.

Надо вообще обратить внимание на «экскурсионную проблему» и положить предел тому безобразию, которое творится в этой области. Надо или на время прекратить показ строительств экскурсантам, или выработать какой-то жесткий, строгий план в полном согласии с уч-

реждениями и организациями разных больших «строев». Надо учесть, что отлив рабочей силы с Днепростроя, падение темпов работ, прорывы на среднем протоке, которые грозили катастрофой, прорывы в кладке бетона и т. д., — все это в большей степени зависело от нарушенной системы продовольственного снабжения. Нельзя допускать дальнейшего развития «неполадок» на этом важнейшем участке нашего социалистического строительства.

ШЛЮЗ И ГЭС

Две мощных координаты плотины — шлюз на левом берегу и здание гидроэлектрической станции на правом, — это как бы два основных жизненных органа Днепростроя, которые полнокровно заработают в 1932 году, когда вода поднимется плотиной до верхних горизонталей холмов, т.-е. до высоты 40 метров над уровнем реки. Шлюз представляет собой длинный канал с размашистыми плесами на концах. Не считая верхней гавани и нижнего пирса, самый ствол канала делится на три камеры, которые глубокими длинными пропастями ступенятся от места примыкания плотины до уровня Днепра к югу, упираясь в узкий проток реки между берегом и скалой Дурной. Каждая из этих камер — бассейн длиной в 120 метров, уровень воды в которых будет регулироваться особой системой трубопроводов и гигантскими непроницаемыми двустворчатыми воротами. Уже три года совершается непрерывная работа на шлюзе: сначала — грабарская, по очистке наносного слоя земли по нивелировке больших площадей, по засыпке глубоких балок, потом — по выемке гранита. Обманчивые спокойные холмы по обе стороны Днепра, которые когда

то трудолюбиво разрыхлялись хлеборобскими плугами, кротко пластаются тучными караваями. Это — словно примосковные глинистые горбыли, где сколько ни копай, никаких сплошных каменных залежей не найдешь. Но на днепровских холмах этот наносный слой земли очень тонок: на глубине 5 — 6 метров уже начинаются монолиты, кристаллические материнские породы, основа, фундамент, руины существовавших здесь когда-то альпийских снежных хребтов. И вот эти материнские монолиты, залегающие на бездонную глубину, приходится рвать, выворачивать жидким кислородом. Эти глубоководные бассейны будут блистать зеркальной поверхностью, дышать редкими медленными спадами и наливками воды, поднимать с нижнего пирса морские пароходы и баржи по камерам на верхний бьеф, а с верхней причальной гавани вниз, в реку. Суда из Черного моря будут плыть по шлюзованному Днепру до днепровской плотины, а оттуда — по вздыбленной пучине реки, засыпавшей, как огромное озеро, до Днепропетровска. Днепр будет своеобразным длиннейшим фиордом. Мы превращаем порожистую несудоходную реку в большой транзитный путь. Это — волею и творческой энергией пролетариата. Это — великая необходимость в стройной системе строительства социализма страны Советов. Пятьдесят лет царское правительство хоронило проекты гидро-электрической плотины, а пролетарское государство дерзновенно, — не по капризу, а выполняя строгий план электрификации, — с первых же лет своей истории поставило их в основу своих великих работ. То, что было бы орудием эксплуатации рабочих масс при господстве буржуазии, то стало в эпоху диктатуры пролетариата орудием революционного утверждения

власти и силы рабочего класса. Вспомним Волховстрой, который создавался еще в труднейшие дни гражданской войны и напряженной борьбы с империализмом, — Волховстрой, который мы создавали голыми руками в незабываемые годы страшных лишений. Да, тогда были голые руки, деревенские лопаты, хлебные пайки, а сейчас на Днепрострое — величественный механизированный труд, на службу на всех участках работ привлечены все виды технических чудес. Мы форсируем темпы до невероятных размахов, и эти темпы — трудовой энтузиазм, революционный пафос всех живых сил рабочего класса.

Итак, поглядим, что сейчас делается на шлюзе.

Все пространство канала от верхней причальной площади до нижнего пирса, до скалы Дурной — сплошной кавардак из строительных материалов, глинистых насыпей, ям, пропастей, скал, изуродованных взрывами, сложной путаницы металлических труб, как обнаженных кровеносных жил, — водопроводов, пневматических артерий в узлах кранов, вентилях, которые сверлят уши пронзительным свистом и шипеньем сжатого воздуха. Эти трубы, бесконечно разветвляясь, упруго оплетают все пространство, развороченное землетрясением, бросают свои корневища и в котлованы перемычек внизу, на реке, и на дно канала и пропастей шлюза. Всюду в воздухе — струны электропроводов. Толстые кабели пожарными кишками ползут, как огромные змеи. На верхней площадке в широкой траншее с гладкими глинистыми стенками, старательно отшлифованными лопатками грабарей, ветвятся рельсы. Паровозные краны скидывают свои длинные стальные шеи. Паровозик чихает и тащит пустые площадки. «Бережись потягу!». Длинная величественная аркада гранитной кладки тя-

ся вдоль по откосу скалы, как античный акведук — причальный мол шлюза. Причудливая красота строительных лесов, опалубок возвышается за отвалами глины и камней — бычки примыкания плотины и виадук ста. Все в сравнении с этими сооружениями из бетона и гранита кажется маленьким, приплюснутым, а люди — маленькими, незаметными. Они заботливо бегают по лестницам, по лесам, и голоса их — пискливые, смешные, ребячьи наивные. Здесь все спокойно, застойно, зашито; здесь вчерне все готово, остается только забетонировать причальные стены, примыкающие к матеку. Знойно, душно, пыльно, небо — синее, раскаленное опала. Лица и шеи людей — сожжены, сизы, банны; потинистых подбородков, с облупленных носов падают крупные капли пота. Сразу видно, что все эти рабочие десятники до смерти хотят пить. Хлещут молочные реки воды из кранов, и люди жадно, с выпученными глазами, страдая, припадают к трубам.

Первая камера шлюза начинается метров за 300 от лица мола в верхнем бьефе. Камеры будут ограждаться порами. Падение (глубина каждой камеры) по проекту 12 метра, а общее падение этих трех камер — 37,4 метра при ширине каждой камеры в 18 метров и полезной длине 120 метров. Таким образом, длина всего шлюза подходами — около километра, а весь участок, занимаемый шлюзом по течению реки — 2,5 километра.

Скальные работы в шлюзовых камерах уже закончены. Нужна была гигантская работа, чтобы вырвать гранитные монолиты из камер в сотни тысяч кубометров. Здесь не было ручного бурения, за исключением очистки стенок и удаления мелких скалистых неровностей; здесь работали колонии «сандерсонов», а жид-

кий кислород каждый день разворачивал скалы по скольку сот кубометров. И вот теперь эти гранитные гие пропасти готовы. Жуткая клыкастая трещина пересекает гору сверху донизу — точно лопнула гора землетрясения. Стены и дно этой трещины изуродованы в острых выступах, раковинистых изломах, в выпучках и рваных впадинах — в нагромождениях кристаллических друз. В провалах струится отвесная глубина. На дне еще грохочут и хрипят экскаваторы, еще в скалах дребезжат бурильные инструменты, — бурильщики выравнивают стенки для бетонировки и каменной кладки. На бугристом и рваном дне — зеленые лужи воды; со скал по камням струйками текут ручейки. Банная сырость пахнет камнями, грязью и цементом. Идет кладка каменных стен, шьется опалубка, работают краны по бетонировке камер. Внизу порожиистой залежью поперек канала громоздится невзорванный гранит, а по бокам его, в скалах, в грунте зияют широкие пещеры — штольни для трубопроводов. Рабочие толпешком возятся над червеобразными деревянными трубами и проталкивают их в штольни, это — опалубка для бетонных трубопроводов. И все же работа здесь ленива, малолюдна, точно все заброшено, люди куда-то отхлынули, и трудовая жизнь замерла. Будто обеденный перерыв. Темп работы на шлюзе замедлен до бездельной тишины. Со шлюзом было неблагополучно. Причины те же, что и на других участках работ: отлив рабочей силы, мерзкое продовольственное снабжение, полное отсутствие квалифицированных работников и нет еще чертежных проектов, которые застряли где-то в центре. Работы тормозятся и сверху, и снизу.

Через мостики и настилы ряжей по дуге плотины рейдем на правый берег, поднимаемся мимо бычков до

о конца плотины, мимо каменных мостовых устоев будущего виадука, по склону, через отвалы гравия и камня спустимся на бетонные массивы, под карусели пяти стовых дерриков, которые стоят по прямой линии на протяжении 200 метров, под углом к течению реки. После всего поражает гигантская гребенка острых трехгранных призм. Ребра вздымаются утесами и впянуты лезвиями к склону горы. Это — так сказать, моночный столб будущей электростанции. Вдоль этих призм идет узкая длинная площадка, по краю которой на бетонных устоях взлетают в высь вертикальные фермантовых дерриков, как высоченные мачты океанского виафана. У каждого деррика свое машинное отделение с густыми струнами троссов. Они приводят в движение могучие деревянные диски основания деррика и действуют стрелами. На диске стоит такелажник и координирует одним движением руки и пальцев. Масштабы колоссальные. Все движется медленно, но размашисто. Стрела описывает дугу радиусом метров в сорок. Платформы поездов с бетоном подаются на площадку, деррик подхватывает железные бокалы и спускает их вниз по склону, в опалубки, которые золотятся между зубьями трехгранных призм. По размерам этого сооружения можно судить об огромной величине здания электростанции: длина его — 200 метров, ширина — 60 метров. Вдоль на большой глубине — причудливые колоссальные трубки-раковины. Опалубка этих пузатых раковин красива, сложна, но размеры, чорт возьми, непривычны для человеческого глаза: право же, в отверстия этих труб можно может войти вот этот паровоз со всем составом платформ. Это — всасывающие трубы турбогенераторов. Трубы-раковины идут рядком на всем протяжении элек-

тростанции, их—девять штук. Если каждый агрегат будет давать электроток напряжением в 90 тыс. лошадиных сил, то можно судить о силе и напоре воды, которая будет вращать турбины ГЭС. Ведь каждый агрегат даст энергии больше, чем весь Волховстрой. В «Бюллетене Днепростроя» очень тщательно и подробно освещены процессы мощности гидравлических установок, экономически наиболее выгоднейшей работы напорных трубопроводов к турбинам, процессы работы турбин при определении диаметра вала, ротора и статора. Не приводя и не разбирая формул и таблиц, приведенных в статьях инженера В. Будилова, проф. В. Бовина и др., следует отметить, что диаметр напорных трубопроводов станции равен 7,64 м. Турбина рассчитана на нормальный расход воды 197 ~ 200 м³/сек. при нормальном напоре в 37 м. Если самые мощные турбины мира (Манмоботская и Лиллс-Эдет) пропускают в среднем 145 м³/сек., то наши турбины по грандиозности первые в мире. Это — последние цифры, которые любезно сообщены мне инж. Ф. Саловым. По проекту оборудования Днепростроя каждый генератор имеет диаметр статора 13 метров, длину вала 11,13 метра, наибольший диаметр вала—1 метр, общий вес генератора с валом—428 тонн. Число оборотов—107 в минуту. Эти цифры немножко волнуют.

Приемные камеры для воды находятся в промежутках призматической гребенки. Там сейчас бетонируются эти просторные глотки размерами с просторные комнаты. Вода будет поступать в эти коридоры из аванкамеры—огромной глубокой заводи, которая будет омывать электростанцию. Бетонировка на этом участке идет наиболее успешно, и планы, пожалуй, будут выполнены. Но общее состояние трудовой дисциплины, утечка рабочей

силы, кризис кадров все же проявляются и здесь довольно остро. Отставание темпов и здесь было очень значительное. План 1930 года рассчитан был всему строительству на 500 тысяч куб. м, но до этой предельной цифры еще летом 1930 г. было очень далеко, и не напрасна была тревога, которую забила вся пролетарская общественность Днепростроя, тем более, что приближался конец строительного года.

ПЛОТИНА

Теперь уже можно говорить о плотине, как о сооружении вполне четком, очень внушительном, насыщенном напряженным движением. С высоты холмов она кажется величавой, упругой дугой, выгнутой навстречу течению Днепра, в первозданном хаосе опалубок отвалов песку, щебня, ворохов древесного мусора, циклопических ямин, где муравейной гущей кишат люди, не отличимые от пегого гранита котлована, точно эти толпы воспринимают покровительственную окраску монолитов, подчиняясь закону мимикрии. Там — суматоха, пыль, металлический рев перфораторов, буханье «сандерсонов», глубокое дыхание кранов и дерриков. Это — в перемычке среднего протока. В 1929 году здесь бурлила река, сдавленная островком и ряжеем молом правого берега. Глубина этого котлована с покатыми рваными боками, изуродованными взрывами, вызывает ощущение собственного малюсенького замирающего сердца. Здесь масштабы непривычно велики и могучи, и становится понятным, почему нужны всюду великанские механизмы вроде целого леса жестких дерриков, кранов с длиннейшими стрелками, устремленными в крутых и пологих наклонках в разные стороны и взнузданными стальными

троссами. Эта гигантская дуга врастает концами в огромные и сложные сооружения на обоих берегах: на левом — в шлюзовые стены, в мостовые аркады, на правом — в широкий размах и высокий взлет бетонных террас и невероятное нагромождение строительных лесов, опалубок, густой щетины арматуры — в воздвигаемое здание ГЭС и опять в длинную вереницу стройных бетонных устоев, убегающих вверх к поселку и исчезающих в карьерах под'ездных путей.

Самая грандиозная по размаху работа совершается на концах плотины — на обоих берегах: на правом идет сооружение электростанции, на левом — бетонировка шлюза и надстройка бычков, а на островке между левым и средним протоками бетонировка целого ряда бычков. Среди металлического взлета жестких дерриков с плавным кружением тяжелых стрел, среди паровозных кранов, среди непрерывного движения поездов с бадьями бетона, рядом расставленными на вагонных площадках, как голубые богатырские четырехгранные бокалы, среди перепутанных ветвей накатанных рельсов и причудливых дворцов, блистающих золотом досчатых опалубок и строительных лесов, среди необ'ятных ворохов досок, бревен, металлических балок, ржавой путаницы арматуры — чувствуешь себя ничтожно маленьким, неустойчивым — этаким воробьем, который постоянно пугается и мечется в разные стороны. Чувствуешь, что совершается работа гигантов, и гиганты эти — целые армии, которые кишат всюду — и на площадях перемычек, и в пропастях котлованов, и в огромных колодцах опалубок, и густыми артелями на бетонном тесте, где они в плясе уминают только-что извергнутый бетон. Эти гиганты — грозные величавые механизмы — причудливые за-

али кружевных треугольников, стрел, реющих в воздухе: кажется, что эти стрелы крылато трепещут над тинами без всякой опоры. Чудится, что это — чудотворная колония чудовищных пауков, которые лихорадочно работают ногами, щупальцами и ткнут день и ночь конечную паутину: нити паутины дрожат всюду и вибрируют, как струны. Красные геометрические формы рассекают воздух в разных наклонениях и направлениях: они — живые, они насыщены горячей кровью, они — чутки, они создают сложную симфонию ритма.

Все эти краны и жесткие деррики обслуживают большие работы по сооружению бычков и по очистке котла среднего протока.

Охватить всю панораму работ на плотине невозможно — это — сложнейшее сооружение, помноженное на бурные движения. Тут все виды труда: это — железнодорожная станция с массой вагонов, паровозов, стрелочников, сцепков; это — целый город, где возводятся бетонные здания монументальной архитектуры, опутанные лесами; это — горные работы в вихрях оглушительного рева и шума буровых машин...

Запечатлеть в письме можно только самое характерное и главное. Начнем с левого берега. На высоте холмов, скал на сорок над уровнем реки, врезааясь в граниты, тянется вдоль берега навстречу течению длинная дамба. Это — причальный мол верхней гавани шлюза. Стена мола у бычка примыкания плотины к берегу уходит на-нет и срастается с плотиной. Почти под прямым углом отходит от него стройный ряд бетонных гребней высотой с кремлевские башни — узкие, длинные, идущие по течению реки параллелепипеды, похожие на мостовые опоры, с такими же волнорезами, только обращенными в

обратную сторону, к нижнему бьефу, срезанными по очень тупым углом, почти дугообразно. Это — будущий гребенка водослива. Эти бычки по всей ширине левого протока будут наглухо забетонированы соединительной стенкой. Сейчас между ними с водопадным ревом рвется бурными потоками по крутому уклону Днепр. Он несется стремительно, буйно, плещется о бетонные стенки и за бычками бурлит взметами волн, взрывается фонтанами и пеной. Эти протоки напоминают те бурные обводные каналы на порогах, по которым спускаются «дыбы» вниз по Днепру. На большой высоте эти бычки увенчаны пышными шапками опалубок: эти бычки еще растут, дыбятся и будут тянуться вверх до тех пор пока не достигнут предельной высоты 61 метра. По острым углом к гребенке плотины примыкает такая же аркада с нижней стороны, как и шлюзовой мол. Она градиозна и великолепна. Это — будущий виадук плотины.

На островке идет горячая работа по бетонировке бычков. Часть из них уже выведена на уровень перемычек, часть еще только зарождается, а часть еще только зияет до самого гранитного дна новой опалубкой. На дне, в монолитах, возятся женщины и тщательно моют и чистят изуродованное взрывами дно. Глубина этих ямков — метров 5—6, продольные их стенки сверху дониз скреплены внутри железными болтами. Женщины и девушки спускаются вниз бойко, гибко, ловко, проворно по этим болтам, как эквилибристки, а потом смотрят оттуда задорно и озорно: вот, мол, как мы здорово насобачились! куда годятся ваши физкультурники! Над этими колодцами, еще пустыми или наполненными наполовину, летают и напряженно дрожат длинные струны кранов и дерриков. Рядом стоят площадки с бетоном, ч

хают паровозики. Бадья нежно и осторожно подцепляется за дугу крюком и плавно поднимается в высь, потом также плавно и невесомо плывет в воздухе, останавливается, неподвижно висит над опалубкой и вдруг быстро падает в пропасть, в кучу серых людей, которые топчутся по бетону. Люди равнодушно поднимают головы и недоропливо отходят к стенкам. Бадья дрожит на упругой струне, мягкими толчками спускается ниже, ниже и послушно, по одному движению пальца рабочего, останавливается на уровне его груди. Рабочий цепко взбирается на нее, бьет сапогом по рычагу, дно бадьи распаивается, и бетонное тесто мгновенно вываливается к ногам рабочих. Грохот затвора, и бадья стремительно взлетает вверх и опять плавно и невесомо, очень осторожно относится на прежнее место. Рабочие, толкаясь плечами, пляшут на свежем бетоне.

Такая же работа совершается и на правом берегу.

Осенью 1929 года эта работа развевывалась до мировых рекордов. Она изумляла инженеров американской консультации, привыкших к беспримерным темпам на своем континенте. Тогда наши бетонщики могли укладывать до 2—3 тысяч кубометров в сутки. Летом же 1930 года в работе был прорыв. План выполнялся максимально на 50%. Красная звезда (1.000 м³) на фронтонах бетонно-камнедробильных заводов обоих берегов уже редко зажигалась, горели только зеленые (100) и красные (300) огни. Были дефекты и в самой бетонировке: иногда приходилось рвать пласты уже отвердевшего бетона.

П Р О Р Ы В Ы

В чем же было дело? Дело было в недостатке бетонщиков, в отливке рабочей силы, в понижении трудовой

дисциплины и в недостаточном кадре опытных и твердых распорядителей. Одна из важных причин отлива рабочих со строительства — реконструкция сельского хозяйства. Грабари, бетонщики, плотники, каменщики, т.-е. тот народ, который особенно нужен на строительстве, массами уходили в деревню. Их оттягивали колхозы: сезонники находили уже для себя и более выгодной и более важной работу на земле. Урожай 1930 года, успехи коллективизации, чувствительно били по отхожим промыслам. Серьезно били и продовольственные затруднения, и неумение кооперации справиться с своими задачами; сильно дезорганизовали работы и прорывы в снабжении строительства материалами, инструментами, машинами. Шла напряженная борьба с этими изъянами. Парторганизация, профорганизация, комсомол, коммунистический и весь рабочий актив мобилизовали все силы для ликвидации этого прорыва. Надо было выполнить встречный план в 500 тыс. кубометров. Нельзя сдавать позиций. Газета «Днепрострой» с честью выполнила свою роль агитатора и организатора общественного сознания. В ответ на распыление сил сезонников бурными волнами поднимался энтузиазм организованных рабочих масс. Лето 1930 года было решающим в работах строительства; прорыв был ликвидирован, к осени встречный план был выполнен, и длинная подкова плотины была превращена в сплошную гребенку.

Дело прошлое, но поучительное. Анализ этих событиям произвести не мешает.

Очень интересные процессы происходили в рабочих массах. Эти процессы, очевидно, свойственны не только Днепрострою. Они имеют и свои положительные, и свои отрицательные стороны. Прежде всего чернорабо-

чий не хочет больше оставаться чернорабочим; он настойчиво, упрямо требует квалификации и добивается ее всеми мерами и средствами. Не только молодежь, но и те рабочие, которые в достаточной степени накопили вместе с годами и жизненный опыт. При чем эта тяга к высокой квалификации проявляется не только у чернорабочих, но и по всему рабочему фронту, по всем отраслям труда. Это обстоятельство, конечно, тоже серьезно отзывалось на общем ходе работ, на успешности выполнения намеченного плана. Но это же обстоятельство свидетельствует о том, что основная масса рабочего класса культурно растет год от года: рабочий не только хочет работать, он желает знать и чувствовать себя творческой личностью своего класса.

Дело с утечкой рабочей силы с основных участков строительства принимало одно время угрожающий характер. Эта тревога беспокоила и технический персонал, и руководящие организации. Было даже собрано экстренное собрание райкома строителей для того, чтобы найти какой-то надежный выход из тяжелого положения, хотя бы ослабить наступающий кризис. Биржа труда не в состоянии была удовлетворить потребности строительства в рабочих руках, и учрабсила обрекалась на полное бездействие. Приходилось за недостатком чернорабочих отрывать на их работу плотников и каменщиков и на время оголять другой участок. И это в то время, когда каменщики были нужны дозарезу — они таяли день ото дня, и скальные работы в котловане среднего протока грозили замереть совсем, а это неизбежно и немедленно повело бы к катастрофе. Если бы котлован не был приготовлен к бетонировке бычков, эта часть плотины была бы вырвана

из летнего и осеннего плана; весенний паводок исковеркал бы перемышку вдребезги или даже смыл бы ее на чисто.

Нужно было немедленно ставить вопрос об изменении методов работы. Очевидно, надо брать не количеством людей, не толпами, а максимальной механизацией и новыми приемами работы. Разложение трудовой дисциплины было явлением повсеместным на строительстве, в особенности в котлованах, на дерриках, на бетонировке. Закурки, болтовня, самовольное прекращение работ нарушали всю систему производства; останавливались краны, деррики, вагоны простаивали дольше положенного времени. Авторитета у десятников не было — эти выдвиженцы не имели ни опыта, ни знаний и не пользовались никаким доверием своих товарищей. Распорядиться, приказать они не были в силах. С инженерами все вступали в пререкания, постоянно справлялись о времени и плевали на их замечания о низкой производительности труда, о частых закурках, о перерывах в труде, о нелепой настойчивости их следить за часами. Как новая сила, вступают в строительство женщины и подростки. Они с убедительной очевидностью выдвигаются на передний план и очень многие уверены, что они будут работать с большим рвением и ударностью, что новые методы работы с ними провести легче и быстрее. Впрочем, женщины и подростки теперь уже завоевали себе свое место на строительстве. В прошлом о них и помину не было, а теперь их встречаешь на каждом шагу.

Нежелание перейти к новым, экономным формам труда приводило инженеров в отчаяние: люди старались делать все голыми руками и первобытным способом:

предпочитали пользоваться на скальных, например, ра-
тах носилками, тачками, ноской камней на собствен-
ной спине, откатыванием их гурьбой, артелью. А ведь
для них нужно было бы удалять краном (благо, в
них укреплены металлические клинья), щебень — эк-
сплуататором... нужно было только организовать труд! По-
пулярность в партийцах-активистах настолько велика и
верности на них настолько значительные, что инженеры
идут в них единственное спасение от дальнейшего кри-
зиса. А это уже много значит в воспитании и самого тех-
нического персонала, который стал теперь общественно-
полезным и вырос до неузнаваемости.

Одним из серьезных бедствий строительства являлись
люди так называемые «летуны». Они перелетали с
места на место, не задерживаясь на своей работе больше
двух-трех дней. Они меняли места, род труда, ораторство-
вали, били баклуши. Это те дезорганизаторы, те «заво-
дники», «бузотеры» и «волынщики», которые вредят делу
меньше, чем злостные плановые вредители.

Очень серьезная опасность в деле рационализации
строительства — или полное отсутствие, или недостаточность уче-
бы и изучения опыта старых кадров рабочих и
накопленного опыта самого строительства. Деревенский
работник почти не брался в обработку, он не вводился в
курс дел новых приемов труда, а предоставлялся самому
себе: вот тебе — камень, вот тебе — щебень, земля, — дей-
ствуй, как знаешь. И он действовал так, как привык
к старому. В результате — быстрое изматывание сил, над-
виг; парень сидит с одурелыми глазами. Попривыкнув
к старому, он уже просто закуривал при каждом удобном
и неудобном случае.

Опять-таки огромное зло строительства — это сквер-

ное, преступное отношение к инструментам и машинам. Большинство механизмов портится, ломается, выводится из строя по вине самих рабочих. Они не берегут машины и инструментов, они считают их чужими: что ж, изнашивались, — дадут новое. Наплевать! Центральные механические мастерские завалены этими исковерканными механизмами, которые ждут своей очередной починки. Это еще не изжито: об этом до сих пор кричит караул и газета «Днепрострой» и бьет набат ударник и инженер. Приучить любить и ценить машину и инструмент — это значит переключить рабочего на высшую культурную ступень, перевоспитать его, переделать его нутро. Это работа — наиболее трудная.

Серьезным тормозом в борьбе за сохранение рабочей силы являлся коммунальный бюрократизм. Рабочие размещались механически, берега «перепутывались»; рабочие левого берега вгонялись в общежития правого берега и — наоборот, семейные мешались с холостыми. Обслуживания общежития — не было никакого.

В течение трех лет не смогли, как следует, приготовить новые кадры. А ведь за это время можно было бы выпустить не одну сотню людей, которые бы явились хорошей сменой старикам, замкнувшимся в своей квалификации. В наших же условиях каждое строительство должно быть своеобразным практическим вузом для рабочих масс, где они приобретают и квалификацию, опыт, и культуру, и стремление к изобретательству и созданию новых масс труда. Все эти вопросы летом 1930 г. были вплотную поставлены перед парторганизацией, перед рабочими массами, и дискуссия привела к выработке срочных и решительных мер к устранению, скорейшему изживанию этих пороков. Нужно удивлять

мы днепростроевцам, учиться у них, как бороться за великое дело социалистического созидания, как бороться за собственное перевоспитание, как труд свой — многообразный и сложный — сделать предметом наглядного самообучения, как оценивать революционный и организующий смысл этого труда. Это лето было полно подлинных чудес, которые имеют колоссальное значение для пролетариата не только нашей страны, но и всего мира.

ЕЩЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПИТАНИИ

Многое из этих изъянов устранено, много создано нового, невиданного, но много еще язв, которые требуют коренного лечения и неустанной, упорной борьбы.

Один из серьезнейших прорывов в деле организации рабочей силы, в деле поднятия производительности труда и трудовой дисциплины, это — система общественного питания. Фабрика-кухня существует уже два года, и история ее, это — история скандалов и всяческих безобразий. Внутреннее нестроение, бюрократический отрыв от общественности, нежелание вовлечь в свою работу рабочие массы, стремление к коммерческому делячеству, — все это создало вокруг большого по существу дела враждебную атмосферу. Из многочисленных бесед с рабочими на разных участках работ и в общежитиях я вынес одно впечатление: рабочая масса возмущена и свирепо ненавидит свою фабрику питания, точно там окопались ее самые злейшие враги. Это — очень прискорбно.

Июль месяц 1930 года. Огромный зал фабрики-кухни. Масса света и непролазные толпы людей. Духота, дурной запах кухни и грязи. На многочисленных столах — сплошной навоз из об'едков, выплесков, грязных тарелок. Весело роятся резвые вихри мух. Целые их полчища

перламутровым покровом кишат на слизи клеенок, как алчные своры собак на падали. Слишком образно? Но это соответствует действительности. Люди привыкли к этой клоаке — безропотно и покорно садятся на скамьи, на стулья и стараются быстро занять свободное местечко на свалках — надо же кушать. Нарпитовки бродят лениво и бездельно или судачат в сторонке. Они не обязаны убирать со столов до перерыва, перерыв в выдаче блюд только от 2½ до 3½ часов дня. Около широкой брешки в кухню — длинные хвосты людей, обливающихся потом. Это — очереди на получение обеда. Счастливы с измученными и довольными лицами героически пробираются с тарелками в обеих руках через густые хороводы толп с беспокойными криками:

— Осторожно! Дайте дорогу! Не толкайте, пожалуйста!

Крики отчаяния, ссора, звон разбитой посуды. Я тоже с замирающим сердцем, как и мой товарищ, поэт С. Обрядович, иду в водовороте этих толп и не спускаю глаз с тарелок в руках и со шляпы под тарелкой. Толчок, и суп льется на мою шляпу и на пол. Обидно, но надо все-таки пробираться к столу и занять местечко.

— Товарищ, сотрите немножко со стола.

Нарпитовка гордо и сурово смотрит из-за плеча и поучительно замечает:

— Разве теперь перерыв? Если желаете сесть за чистый стол, приходите во время перерыва и занимайте его после уборки. А теперь можете обедать за этим столом. Это вам не старые порядки.

— Какие старые порядки?

— А теперь — самообслуживание. Прошло время, когда постоянно убрали и подавали.

Да. Строгий и внушительный окрик умирляет капризы обедающих. Это — не лето 1929 года. Тогда была благодать.

Самообслуживание. Вы представляете себе, что это такое? Толпы, сотни людей ждут в хвостах очереди перед окошком, ждут долго, мучительно, терпеливо. Может быть, они торопятся на работу — не все же болтаются без дела, — может быть, в этот час обеденного перерыва нужно выполнить им какие-то поручения, может быть, даже просто отдохнуть. Однако, этот час проходит в терпеливом стоянии в очереди. Потом они жадно хватают бурду, морщатся от отвращения и едва успевают отхлебаться, а то и вовсе не успевают.

Неряшливость всюду, нечистоплотность, беспорядок, разболтанность. Все идет как-то само собою, стихийно, беспардонно. Чувствуется полное пренебрежение к этим массам людей, полное презрение к рабочему времени, к интересам строительства. Во всем — сторона наименьшего сопротивления. Почему-то дирекция убеждена, что самообслуживание, это — подлинное стопроцентное пролетарское завоевание, этаким пролетарский стиль и шик, а вот обслуживание, это — буржуазный предрассудок. А рационализация труда? А культурная революция в общественном питании? А интенсивный конвейер в пропуске через столовую сотен и тысяч людей? А вкусные и приглядные обеды? Все это, очевидно, не интересует дирекцию и организации столовой, как буржуазный предрассудок. Где общественный контроль? Что сделано для того, чтобы активно привлечь к работе рабочие массы? Почему многочисленный штат нарпитовок бездельничает? Трудовая дисциплина ниже всякой критики,

а внутри — отсутствие всякой самокритики. Из бесед с паршивками в общежитиях я вынес заключение, что отношение к ним старорежимное, как к безличной прислуге. Культурной работы, очевидно, не ведется. Бездушные, формализм. Люди опустили до-нельзя. Подумайте, сколько драгоценных рабочих часов бесполезно, глупо отнято от промфинплана! И все эти часы превращены в недовольство, в разлагающее людей раздражение, отчаяние, упадок сил, в недоверие и ненависть и к руководящим лицам, и к кооперации. Настроение одно у всех и каждого — безнадежность и злоба. Мне скажут: зачем вы возмущаетесь, когда все общественные столовые и фабрики-кухни одинаковы? Если везде, то, значит, надо поднять вопрос об общей коренной реорганизации системы общественного питания, значит, надо поднять на ноги всю пролетарскую общественность и немедленно начать кампанию за решительную перестройку этой важнейшей стороны нашего быта. Но в том-то и дело, что есть предприятия, где дело общественного питания неразрывно связывается с процессом выполнения важнейших задач по осуществлению пятилетки. Общественное питание — это один из двигателей социалистического строительства. Умело поставленное общественное питание — это успешное выполнение промфинплана.

Как поставлено питание рабочих, на различных участках работ? Пицца развозится в термосах на далекие расстояния. Пока она дойдет до места, в термосах она превращается в свиную болтушку. Часто эта болтушка доставляется не в той порции, какая требуется по числу рабочих, т.-е. вместо, скажем, двухсот обедов только 70. Впрочем, и от этих обедов рабочие воротят нос и предпочитают питаться одним хлебом и водой.

Я помню смешные приемы по внедрению идеи общественного питания в сознание и в привычки рабочих. У сезонников громились кухни, при казармах уничтожались плиты и котлы. Хороший борщ, сваренный кашеваркой, заменялся свиным варевом. Что этим достигалось? Ничего, кроме отрицательных результатов. Почему бы на местах не завести походные кухни? Почему эти походные кухни хуже термосов? Чем повара фабрики-кухни лучше женщин, которые обслуживали бы кухни на местах? Идея централизации? Но ведь централизация только тогда достигает цели, когда она рационально организована. Централизация ради централизации без разумного учета интересов рабочих масс и всего строительства в целом — нелепость.

Ведь задача общественного питания в наших условиях — это задача социалистическая. Но это вовсе не значит, что централизация во что бы то ни стало — единственный путь. Все дело в руководстве, в контроле и в том, чтобы дело общественного питания создавали сами массы, а не бюрократы сверху. Какой толк в ваших, с позволения сказать, поварах, когда они ни к чорту не годятся. Привлеките к работе и на фабрике-кухне, и на местах женщин и рабочих, и они вам в два счета делают чудеса. Ведь весь вопрос в том, чтобы питание сделать вкусным и приглядным, чтобы максимально сэкономить время, чтобы умело организовать конвейер, чтобы в столовых была строгая система обслуживания, чтобы санитария и гигиена была на должной высоте. Если этого нет, идея общественного питания — фикция, идея погублена.

А вот существуют в нашей стране предприятия, где общественное питание — одна из первоочередных задач

социалистической переделки жизни. Вот, например, заводы Москвы — Динамо, Электропровод. Не описывая, каким образом, под руководством талантливого организатора, тов. Игонина, секретаря парткома, столовая Электропровода превратилась из клоаки, наподобие днепростроевской фабрики-кухни, в высококультурный участок работы,—я не могу удержаться, чтобы не сказать о своем впечатлении, о тех преобразованиях, которые проведены на этом же заводе.

Я знал заводскую столовую Электропровода несколько лет. Это было мрачное и мерзкое логово, где рабочие угрюмо, обреченно стояли в очередях и, как в стойле, барахтались в грязи и гнусности. И здесь было пресловутое самообслуживание. Столы были запакощены и воняли даже тогда, когда они были сухими. Скамьи трещали, выли, рычали и рушились под тяжестью сбитых тел. Пыль, сор, разложение пищи. Блюда были омерзительные. Время от простоев, от этого милого самообслуживания тратилось глупо, непроизводительно. Рабочие сами рычали и теряли человеческое лицо.

И вот является тов. Игонин, человек с живой мыслью, с мудрой любовью к делу, горячий, подлинный революционер, коммунист, талантливый организатор. Он сразу видит, что при таком состоянии общественного питания работы завода не поднять на должную высоту. Он очень чутко, очень умно учитывает всю обстановку: трудовая дисциплина, производительность труда, классовое сознание невозможны без разумной постановки общественного питания. Он вместе с активом ставит вопрос ударному: немедленно, в течение недели, перестроить систему питания. Кампания развивается вширь и вглубь. Захвачена вся толща рабочей массы. Все загорелось

энтузиазмом. Нужна подлинная любовь к пролетариату, как к родному живому коллективу, как к своему кровному брату, нужна не только холодная расчетливость, а живой огонь человеческого сердца, чтобы сделать из самой простой задачи дело глубокого общественно-политического значения. чтобы насытить его горячей кровью и высокой идеей. Этот человек умеет подойти к рабочим и понимать их. Он сумел их поднять и воодушевить. Он умеет каждое обыденное дело возвысить до высокого идеала. Надо поучиться у него всем, кто даже огромное дело современности превращает по бездушию своему, по привычке к чиновничеству в скучную, ненавистную обязанность. Впрочем, гасителей наших высоких идей и начинаний не исправишь. Они будут всегда упрямо и тупо защищать свои методы работы, хоть ты им кол на голове теши. Они лишены дара, свойственного всякому подлинному работнику, преданному своему делу, болеющему за него. — дара критического отношения к себе, к своим сотрудникам, к своей работе.

Какие же перемены произошли в общественном питании Электропровода? В столовой — идеальная чистота, цветы на столах, игра света в графинах, строгий порядок, отсутствие очередей, быстрый конвейер, широкое обслуживание, бесперебойная смена групп обедающих. Там вкусная, хорошо изготовленная и приглядно поданная пицца. Ни на минуту на столах не остается грязи, об'едков. Обеденный перерыв не пропадает даром: это — время бесед, время настоящего культурно-воспитательного отдыха. И посмотрите, что вышло: рабочие всею душою любят свой завод, они гордятся и своей столовой и общей системой распорядков, они культурно растут и чув-

ствуют, знают, что они выполняют великое дело чудесной мировой истории.

Можно ли произвести на Днепрострое такой переворот в деле общественного питания, или нельзя сравнить гиганта с обычным заводом? Можно и необходимо. Надо только понять, что прекрасная организация общественного питания, это — успешное осуществление промфинплана, это — энергичное осуществление пятилетки в четыре года, это — одно из условий для укрепления классовой солидарности и под'ема энтузиазма рабочих масс. Но борьба за общественное питание на Днепрострое давнишняя и упорная борьба. И партийная организация, и актив все время бьются в невероятных усилиях найти решительные меры к ликвидации перманентного настроения на фабрике-кухне. Ясно одно, что тут всякие полумеры не решают вопроса: тут нужен решительный, революционный переворот в системе питания. В борьбе за образцовую фабрику-кухню нужно применить методы ударных бригад на строительстве, поставить этот важный участок под знаком тревоги и мобилизовать всю пролетарскую общественность строительства. Газета «Днепрострой» ведет уже большую кампанию на этом фронте социалистической стройки.

О К А Д Р А Х

Днепрострой — это микрокосм всей нашей страны со всеми ее особенностями и противоречиями. Это — капля, в которой отражаются все сложнейшие процессы жизни Союза Республик. И так же, как везде, с болезненной остротой стоит здесь вопрос о кадрах, о живых действенных силах. Людские массы строительства чрезвычайно разнообразны, и градации общественных прослоек много-

численны: инженеры, служащие, квалифицированные рабочие, крестьяне-сезонники (грабари, каменщики, бетонщики и т. д.). Текучесть сезонного рабочего невероятно велика, но нельзя сказать, чтобы эта текучесть не замечалась среди квалифицированных рабочих. Все же эта часть строителей наиболее устойчива.

По причине ли этой текучести или по неумению накапливать, учитывать и изучать опыт прошлого, — но кадры Днепростроя еще плохо организованы. Не может же быть, чтобы за три героических года эти кадры не были рождены, не были воспитаны и созданы. Я говорю не о единичных явлениях, а о массовом подборе. Мы толкуем на каждом шагу о культурном, политическом и всяком росте масс, но на каждом же шагу и в каждом месте слышим общие жалобы на отсутствие подготовленных работников во всех областях и на всех ступенях квалификации. В чем причина бедности и истощения кадров? Я объясняю этот характерный для наших дней кризис характерной же особенностью нашей исторической полосы — чрезвычайным подъемом и развитием производительных сил нашего хозяйства. Старые подготовленные работники, квалифицированные мастера, профессионалы и та молодежь, которая выросла и сложилась за эти десять лет, — те, кто спокойно и крепко работал на своих постоянных местах, — многие из них рассеялись по многочисленным строительствам, которые возникают чуть ли не каждый день по бесконечным пространствам советской страны. Мы бедны были подготовленными людьми, и эта бедность особенно остро чувствуется сейчас, при бурном, невероятно могучем и размахистом темпе индустриализации социалистического хозяйства. Интенсификация земледелия (гигантские совхозы, районы сплошной кол-

лективизации) требует прежде всего индустриальной базы. Машина — уже обычный двигатель сельского хозяйства. Отлив квалифицированных рабочих, организаторов, хозяйственников в эти бескрайние поля — тоже огромный. Мы не можем поспеть в подготовке кадров за темпом развития производительных сил, и от этого люди, склонные к растерянности, становятся втупик перед вопросом: куда же исчезли люди? какая нелегкая смыла их с лица земли? Я думаю, что ближайший ряд лет мы будем с такой же болезненной остротой переживать этот голод на людей: люди растут, они готовятся массами, но пока они попрежнему будут исчезать в бездонной прорве, и прорву эту мы будем бутить целыми армиями и не забудим еще долгое время. Есть еще одно обстоятельство, правда, менее значительное, это — отлив старых работников на учёбу, на повышение своей квалификации. Стоит вспомнить наши бесчисленные втузы, курсы, университеты, академии, чтобы представить себе ошеломляющую цифру из десятков тысяч, наполняющих стены этих учебных заведений.

Но, несмотря на это, массы на Днепрострое растут, — выявляются не только новые люди из молодежи, но разительно переделывается природа и старых работников, хотя бы из среды инженеров. Грешный человек, я заражен особой склонностью искать прежде всего в нашей действительности ростков нового, своеобразного. — того в первую очередь, чем и как мы движемся в будущее. Мне важен не «живой человек», как он есть, а живой человек в становлении, в постоянном росте, в своей творческой мятежности, в борьбе за будущее, — человек, в сегодняшнем дне которого уже воплощается завтрашний день. Человек никогда не бывает таким, как он есть (это —

неподвижность), человек бывает всегда и «есть» и «не есть». Для изучения нашего человека эпохи строительства социализма и важно познать единственную диалектическую истину: человек наших дней, это — единство противоположностей. Только при этих условиях можно увидеть новые рождения в обществе, своеобразие характеров, типов, сдвиги, крушения и глубокие перемены, совершающиеся в людях. Только при этих условиях возможно прощупать процессы формирования общественного сознания и переделки природы «человека нашего дня».

Прежде всего нужно отметить, что на Днепрострое массовая культурно-политическая работа поставлена довольно слабо. Но все же, несмотря на это, люди неудержимо стремятся к знанию, к работе над собою. Книжные лавки, киоски, библиотеки, кружки рабкоров, литкружок, собрания и пр. Уже самый процесс необычайного строительства, этот напряженный темп работ возбуждает энергию, укрепляет волю, толкает к преодолениям, к борьбе, к энтузиазму, к самосознанию, к утверждению себя, как полноценной личности своего класса.

На строительстве — обилие молодежи. Она — всюду, на всех участках работ: и на рядовых местах, и в роли низовых руководителей — десятников, бригадиров, культработников. Вот целое объединение изобретателей, которые дали массу ценнейших усовершенствований механизмов и много помогли делу рационализации труда. У входа в рабочком водружена доска, где отмечается хроника изобретательства: такой-то изобрел то-то, такой-то усовершенствовал то-то — экономия в тысячах рублей. Доска не остается пустой. — люди работают непрерывно и неустанно. Если бы опубликовать все

работу изобретателей за эти годы или издать отдельной книгой, то получился бы поучительный и ценный отчет о неустанной творческой мысли рабочих, преданных своему делу, любящих свой труд и свои механизмы. Я не буду перечислять ни лиц, ни их дел: это заняло бы слишком много места. Жаль, что строительная газета недостаточно внимательно следит за этой важной стороной своей жизни.

Вот—девушки, мужественные, с огрубевшими лицами. В них нет обычной жеманности и той кошачьей женственности, которая свойственна мещаночкам. Одни из этих — арматурщицы, другие — металлистки центральной механической мастерской, третьи — у механизмов лесопильных заводов. В общежитии, очень опрятном и просторном, они учатся, читают: на столиках — книги, тетради. Трудовая дисциплина среди них выше, чем среди мужчин. О женщинах хочется сказать особо. Жены рабочих недавно проявили подлинный героизм настоящих пролетарок, но героизм этот — явление бытовое, потому он прошел незамеченным. Такие события возможны только в нашей стране; они немыслимы в условиях капиталистической эксплуатации. Были моменты, когда массовый отлив рабочей силы со строительства грозил срывом плана, катастрофой для среднего протока. Строительство было на грани паралича. Квалифицированные рабочие разных цехов на общих собраниях решили спешно создать ударные бригады каменщиков, бетонщиков и работать сверх своего рабочего дня. Они взяли шефство над бычками и обязались вывести их общими силами. Не успели ударники приступить к работам, как их жены сбили экстренное собрание и решили немедленно в ударном порядке работать на бычках и на

скальных выемках среднего протока в то время, когда их мужья заняты в цехах. Эти полки женщин наполнили плотину и котлованы перемычек и с напряжением и образцовой дисциплиной работают, кажется, до последних дней. Прорыв ликвидирован, и сразу же наступил перелом: ежедневный план бетонировки и очистки котлована среднего протока доведен почти до нормы. И здесь — молодежь впереди, и здесь ее организаторские способности и энтузиазм совершили чудеса.

Не могу не упомянуть еще об одном случае беззаветного мужества и подвига боевых сил. Это было еще в прошлое время. Управление Главинжа обнаружило, что быки мостового перехода не могут быть выведены до ледохода на определенную высоту. До ледохода оставалось только недели две. Ожидали неизбежной аварии. Инженеров охватила паника: не было никакой надежды на предотвращение катастрофы. Целый год труда пропал даром, убытки исчислялись многими сотнями тысяч, а может быть, и миллионами. Партийный и комсомольский актив решает спасти положение. Дело затруднилось тем, что большая часть актива, инженеры и техники (мостовики) настроены были кисло. На экстренном собрании мостовой ячейки небольшая часть партийцев и комсомольцев сумела заразить своей боевой уверенностью и энтузиазмом остальных, и все немедленно принялись за работу. Технический персонал и квалифицированные рабочие пошли за ними. Работа пошла с беспрецедентным напором, развернулась с большим размахом. Рабочий, управляющий кабельным электрическим краном, беспрерывно провел у механизма трое суток. Удивительно было то, что этот парень не требовал смены, сам был одним из бурных партизанов-ударников и за все время своего

непрерывного труда работал бесперебойно и точно. Обнаружили его у машины и едва оторвали его окоченевшие руки от рычагов. Это—героизм? Да. Это—исключительный случай? Нет, это — факт типический. Энтузиазм, пафос труда, героизм, боевая целеустремленность во имя коммунистического идеала — наша действительность. Это — не только «человек, как он есть», но и человек, каким он должен быть. К изображению этих фактов и этих людей нельзя подходить со стареньким штампом прошлых эпох. Для изображения этих событий и людей нужны новые, свойственные нашей эпохе, методы художественного творчества—новые слова, новые художественные конструкции. Мы уже имеем всюду и в частности на Днепрострое чудесную молодежь—инженеров партийцев, техников—юношей и девушек нашей выучки, кровных пролетариев. На Днепрострое, как и во многих местах, открыт технический вуз, связанный с работой строительства. Это — рождение нашей новой жизни.

Но за эти последние годы удивительно меняется, перерождается психика и старого инженера. Кадры этих работников уже не те, что были раньше — ну, скажем, года два-три назад. На моих глазах совершились интереснейшие вещи. На Днепрострое есть очень талантливые, опытные, с большими познаниями инженеры. Эти инженеры вели работу и на Волховстрое, и на Шатурке, и на других строительствах. В прошлом это были люди или глубоко замкнутые, или равнодушные к вопросам нашей политики, или постоянно будирующие, или относящиеся ко всем нашим начинаниям с этакой иронической критикой, с издевочкой.

— Мы работаем честно, мы преданы своему делу, у нас есть свои производственные и профессиональные интересы. Проводите свою политику, делайте свои эксперименты, а нас оставьте в покое.

Так можно было их же словами характеризовать их позиции.

События последнего времени вызвали среди них большую дифференциацию. Многие из них стали совсем другими людьми. «Природа» их решительно переделывается. Очень большое значение имеет умелый и чуткий подход к этому слою людей.

Присутствовал я однажды на Днепрострое на одном очень интересном заседании райкома строителей. Вопрос шел о кризисе рабочей силы, о трудовой дисциплине, об опасностях, которые грозят выполнению летнего и осеннего планов. А опасности были грозные. Выступает в прениях один из тех инженеров, которые особенно отличались «чистотой и непорочностью» в смысле «большевистской заразы». Его выступление поразило меня: я не верил своим глазам и ушам. Прежде всего этот инженер никогда не принимал участия ни в заседаниях, ни в совещаниях общественно-политического порядка, за исключением, может быть, технического совета Главинжа. А теперь он говорил с увлечением, с подъемом, с сознанием глубокой ответственности перед рабочим классом за свою работу. Он уже работу инженеров расценивал, как неотрывную часть великого пролетарского дела — строительства социализма в нашей стране. Даже фигура его и общий облик резко изменились: его нельзя было отличить от активистов-профсоюзников или от партийцев, заведывающих каким-нибудь отделом управления Главинжа.

Убедительно и энергично орудуя кулаком, он быком смотрел себе в ноги и в ноги людей в передних рядах и говорил о каждой мелочи, о каждом недостатке, как о собственном враге. Речь его отразилась в моей памяти так:

— Я убежден, я вижу, я пришел к единственному выводу, что случайное выдвижение рабочих на низовые руководящие работы в качестве, например, десятников, бригадиров не только не приносит пользы делу, но влечет к дальнейшим прорывам. Нам на строительство дозарезу нужны на этих ответственных местах авторитетные и классово-сознательные товарищи: десятниками и бригадирами должны быть обязательно партийцы, как организаторы и подлинные революционеры. Если мы не добьемся этого, если партийный комитет не поймет этого и не выделит вдумчиво ряд работников из своего актива, опасности нас будут преследовать постоянно, мы не спасем положения, какие бы мы меры ни принимали.. Надо насытить все участки работ партийным составом. Общественно-политический, крепко выдержанный элемент— единственно движущая сила строительства, единственно авторитетный побудитель организации труда. Этого требует наше социалистическое строительство. Мы еще не умеем работать, мы не умеем учитывать и изучать опыт, у нас нет еще системы труда, а без этого социализм построить трудно.

Сознаюсь, я упивался его речью и чувствовал, что человек этот родился заново, что человек этот — уже наш, что он уже теперь чужд колебаний. Я увидел в нем энтузиаста, общественника, и от его аполитичности не осталось и следа. За ним выступил другой инженер, та-

кого же типа, и — то же самое. Что такое? Какая работа совершилась в их психике за это время?

Товарищи из парткома и рабочкома на эти мои вопросы с восторгом говорили мне:

— Ну, знаете, их теперь и узнать нельзя. Такой-то — один из самых рьяных общественников и активистов. Это — наша гордость. Такой-то так и пылает энтузиазмом. Общественник, каких мало.

В чем дело? А дело в том, что товарищи из парткомитета и профсоюза сумели во-время чутко и внимательно подойти к инженерам, сумели создать атмосферу доверия и товарищеской солидарности. В этом — все. Теперь уже нет на строительстве былых враждебных группировок среди технического персонала, нет той изоляции и травли, которая имела место в прошлом. Мало одного непререкаемого авторитета А. В. Винтера, большого человека, удивительного организатора, выдающейся личности старой большевистской школы, — надо, чтобы авторитет партийной и профсоюзной организации всегда довлел твердо и безупречно. Этот авторитет организаций уже растет и крепнет. Те постоянные недоразумения, склоки и взаимное непонимание, которые были раньше между управлением Главинжа и организациями, уже сошли на нет, — они исчезли. А это уже большая победа и залог успехов в деле строительства Днепровского гиганта.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Днепрострой вступил в последний год своего созидания — творится последняя часть эпопеи великого строительства: первого мая 1932 года откроются щиты Стоянея, вода по гигантским трубопроводам ринется из

аванкамеры в гидротурбины, и они заработают, вращаясь со скоростью 107 оборотов в минуту, с мощностью в каждом агрегате до 90 тысяч лошадиных сил.

Гребенка плотины уже закончена: все 47 бычков выведены на половину высоты, заканчивается постройка здания ГЭС, оборудованы раковины турбин. Вчерне гидроцентраль готова. Вернее, скелет ее вполне утверджен. Весь 1931 год будет отдан напряженному труду для создания живого организма «Дніпрельстана». В конце этого года уже будут ощутимы его первые могучие вздохи.

Этот год — год великой победы пролетариата Страны Советов. Это на общем гигантском фронте социалистического строительства, на ряду с величайшими опорными пунктами социализма, как бесчисленные индустриальные комбинаты, как Магнитострой, Тракторострой, Автострой, Сельмаш и т. д., Днепровское строительство — электро-гидроцентраль мировой мощи с его огромными комбинатами, является несокрушимой силой в деле социалистического переустройства всей системы жизни страны Советов. Это — одна из больших станций на пути победоносного развития мировой пролетарской революции. Работы подходят к концу, и к концу третьего года пятилетки это — та сила, которая преобразит крупнейший индустриальный район Советской Украины.

Что осталось сделать на Днепрострое? Это — закончить ГЭС, установить турбогенераторы, установить электропроводку высокого напряжения на Донбасс, Днепропетровск и создать неразрывную связь с районными электростанциями, установить между ними своеобразный электросимбиоз, это — закончить плотину, сделать ее крепчайшим монолитом, это — в конце четвертого и

последнего года пятилетки, возвести целый город промышленных комбинатов на территории Днепроостроя. Главное и самое трудное уже совершенно, теперь остается только утвердить некоторые недостающие звенья в стройной и грандиозной системе строительства. Растет и ширится социалистический город на Днестре, где жизнь создается по-новому, где переделывается сама природа человека. Много еще пережитков, много тяжелых противоречий — это неизбежный процесс диалектики истории, но героизм и энтузиазм рабочего класса, но гений коммунистической партии творят новый мир, как великий синтез в борьбе противоречий, в могучей борьбе классов. В этой борьбе пролетариат — победитель, преобразователь мира, творец коммунистического общества. Об этом свидетельствует незабвенная история борьбы и воздаяния на Днепровском строительстве — эта мировая эпопея, которая и в далеком будущем в памяти людей будет жить, как бессмертный образ славной героини в борьбе трудящихся за коммунистический мир. Днепроострой ждет своего гениального художника, который создаст бессмертную эпопею, поэму о борьбе титанов. Мы, участники этой борьбы, склонны в процессах этой борьбы смотреть на людей просто, буднично, но пройденные этапы этой борьбы и ее живые участники, эти бесчисленные массы строителей и бойцов отразятся в психике грядущих поколений, как беззаветные, достойные удивления герои и зодчие нового мира, нового человечества, освобожденного от проклятых цепей капиталистического угнетения. Мы обычно не замечаем тех перемен и свершений, которые происходят на наших глазах, а между тем эти перемены разительны и чудесны. Вот лежат передо мною письма рабочих, молодежи и стариков. Много в них

негодования на недостатки, на прорывы, но общий тон их полон глубокой веры в великий смысл и необычайные цели своего революционного труда. Это — ударники, т. е. те обыденные люди, которые живут пламенным целеустремлением к выполнению тех больших задач, которые поставлены в порядок текущего дня. И эти задачи и цели, подавляющие своей грандиозностью, смелостью и размахом, по-деловому скучны и сурово-бесстрастны в своих формулировках: «промфинплан», «встречный промфинплан», «сквозные ударные бригады» и т. д. Это потому, что энтузиазм масс, героизм труда стали самым обыденным фактором. Это — уже основа нашего быта и бытия.

Вот специалист, инженер, который уже сросся с машинами, который вне нашего социалистического строительства уже не мыслит своего существования. А таких инженеров — уже целая армия (я не говорю о тысячах новых красных инженеров - пролетариев). Этот старый спец — один из тех людей, которые в корне переделали свою «внутреннюю природу». О них я упоминал в главе о «кадрах». Это — те, которые стоят на другом полюсе по отношению к «вредителям», это — те, которые уже безоговорочно связали свою судьбу с пролетариатом нашей страны. Его слова волнуют, потому что это — слова одного из наших соратников. Он пишет по поводу бетонировки так:

«...Это — зрелище не из последних. Вы увидите ряд бычков, которые стремятся «догнать и перегнать» прошлогодние. Сейчас все бычки уже лезут, как тесто из котлована вон.

«Меньше чем через месяц (письмо писано в конце сентября 1930 г.) котлован (среднего протока) будет в таком виде, что можно будет прекратить водоотлив и на-

чать разбирать перемычки. И тогда у нас будет такое настроение, как, помню, после выдержанных конкурсных экзаменов: «Не стоило так зубрить из-за такой ерунды». Не стоило орать на весь Союз из-за каких-то двух месяцев работы.

«Сегодня мы пересматривали наши планы работ, составленные в 1929 году. Как далеки мы от них! Уже сейчас далеки, а ведь впереди еще 70 дней бешеной бетонировки. Тогда мы их не увидим за кормой даже в бинокль — они скроются за горизонтом. А планы 1927 г., защищавшиеся в Техсовете в декабре. Лепет младенцев! Ладно, пусть мы младенцы, но наши господа-консультанты где были? Ведь за Купером 2 миллиона установленных лошадиных сил. Надо быть слепым, чтобы не видеть, как они учатся вместе с нами. И я это скажу смело — некоторым вещам они учатся у нас. Утверждаю, что если Куперу еще придется строить станцию на большой реке, то многие наши приемы он перенесет к себе. И будет говорить: «я так делал в России». Что может остановить наше дальнейшее шагание по головам мировых рекордов? Отсутствие теплого платья в ЦРК и недостаток цемента... Впрочем, когда расходуешь больше тысячи тонн цемента в день, то-есть больше двух Амвросиевских заводов, то «последняя минута» очень похожа на месяц. А месячный мировой рекорд как раз будет сегодня. На вчера сделано с 1-го числа 60.000. Рекорд — 62.000. У нас еще неделя впереди. Я не знаю сезонного рекорда, но когда у нас было 180.000, Купер сказал мне: «Если вы положите еще столько же, то вам нечего беспокоиться — мировой рекорд за вами». Теперь осталось до этого 108.000. И это еще при страшном недостатке рабочей силы... Мы должны работать полным ходом. И будем».

В этом пафосе строителя-инженера есть еще чисто профессиональный тон, но этот голос — голос подлинного советского технорука, который дышет гордостью за мировые достижения на фронте социалистического строительства. Он ничего не говорит о рабочих массах, которые выполняют там мировые рекорды по кладке бетона, но их трудовой энтузиазм, их ударное напряжение чувствуются в каждом слове этого характерного письма. Без этого боевого духа пролетарских масс, без постоянного, неослабного руководства коммунистической партии, не было бы тех удивительных побед, о которых повествует так взволнованно этот преданный делу инженер. Иностранцы говорят о наших завоеваниях по пятилетнему плану: большевики совершают чудо. Перефразируя слова Гете, нужно сказать, что невероятные успехи в созидании социализма в нашей стране еще не есть чудо. Для них, да, — чудо, ибо они люди другого, погибающего мира, а для нас — это естественный, диалектически неизбежный творческий процесс: пролетариат, как господствующий класс, может строить только социализм, пролетариат переделывает мир по своему образу и подобию.

Этот последний год Днепровского строительства является рубежом: он совпал с третьим решающим годом пятилетки. За этим рубежом открывается новый этап еще более мощных, еще более чудесных по своему размаху завоеваний. Днепрострой через год уже будет одной из славнейших страниц нашей великой истории.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Первый год	5
Перемышки	10
Шлюзовой канал	14
Завод жидкого воздуха	17
Строители	20
Панорама	25
Котлованы	29
Машины	33
Разрушение гранитов	38
Бычки	47
Железы строительства	61
Поселки	65
Фабрика-кухня к артельная баба	69
Новый город	73
Экскурсионное бедствие	76
Шлюз и ГЭС	80
Плотина	87
Прорывы	91
Еще об общественном питании	97
О кадрах	104
Последний год	118

